

Глава 5

Каякентско-харачоевская культура

Эпоха поздней бронзы Северо-Восточного Кавказа изучена менее полно, чем предшествующий период. Обычно памятники того времени в литературе объединены под названием “каякентско-харачоевская культура”. Термин этот впервые предложил Е.И. Крупнов в 1940 г. (Крупнов Е.И., 1940. С. 14). Он связан с названиями двух селений – дагестанского Каякент и чеченского Харачой (Хорочой)*, в окрестностях которых исследовались весьма характерные памятники культуры.

Первый из них – могильник у ст. Каякент (неподалеку от одноименного селения) был обнаружен в 1898 г., когда здесь прокладывали железнодорожную линию, и изучался В.И. Долбежеевым. Ему удалось раскрыть 34 захоронения в каменных ящиках (Долбежев В.И., 1898. С. 76 и след.; ОАК за 1898 г. С. 141–162). Второй могильник у сел. Харачой изучал в 1937 г. А.П. Круглов. Им было расплано 50 погребений (Круглов А.П., 1949. С. 111–128). Материалы этих некрополей явились эталонами для последующего изучения культуры. Если В.И. Долбежев дал лишь первую характеристику сделанных им находок, даже не пытаясь их датировать (ОАК за 1898 г. С. 157–162), то А.П. Круглов ставил определенные задачи – установление абсолютной хронологии харачоевского и подобного ему могильников, “определение их места в кругу иных памятников Северного Кавказа и Закавказья” (Круглов А.П., 1946. С. 111, 112). Он неоднократно вплоть до 1942 г. обращался к добытым им материалам, пытаясь проследить единую линию развития в местных древностях на протяжении III–I тысячелетий до н.э. (Кушнарера К.Х., 1958. С. 14). Однако история изучения каякентско-харачоевской культуры не ограничивается только лишь сказанным. Она сложна, и полного ее историографического обзора не имеется (Марковин В.И., 1969а. С. 10–14; Котович В.Г., 1978б. С. 46–50).

До того, как был открыт Каякентский могильник, и позже, почти до 1932 г., никто серьезно не занимался изучением аналогичных памятников (Мунчаев Р.М., 1954. С. 7–20). Каякентский могильник стоял тогда “совершенно изолированно среди других памятников Кавказа” (Круглов А.П., Артамонов М.И., 1938. С. 6). Австрийский ученый Ф. Ганчар считал даже, что он относится к эпохе меди (*Das kupferzeitliche Stadium*) и синхронен май-

копско-новосвободненским древностям, принимая при этом каякентские каменные ящики за дольмены (Напсар Ф., 1937. S. 242, 280, 284. Abb. 24). Но А.А. Иессеном были предприняты разведочные работы в Дагестане, которые позволили, по словам Р.М. Мунчаева, впервые представить “относительную датировку открытых здесь памятников и их первую историко-культурную характеристику” (Мунчаев Р.М., 1954. С. 22). Тогда А.А. Иессеном были зафиксированы отдельные могильники с каменными ящиками у селений Новый Чиркей, Ишкарты, Турчи (Иессен А.А., 1935а. С. 33–36). Так территория Дагестана начала заполняться древностями, близкими Каякенту. С открытием Харачоевского могильника встал вопрос о той культуре, которую представляют он и аналогичные ему памятники (Берикей, Дарго, Белгатой и др.). А.П. Круглов, изучив их специфические особенности и сопоставив с могильником у сел. Каякент, писал: “Памятники Северо-Восточного Кавказа начала I тысячелетия до н.э. могут быть выделены в самостоятельную культуру, которая может быть названа харачоевской по селению, у которого расположен наиболее изученный могильник”. По его мнению, носители выделенной им культуры отставали в развитии от своих северных и южных соседей (Круглов А.П., 1946. С. 133, 134)*, хотя он же считал возможным говорить о синхронности этой культуры кобанским древностям (Круглов А.П., 1946. С. 133). Однако А.А. Иессен придерживался иной точки зрения, считая, что “памятники типа Хорочоя и Кая-Кента” не находят “точек соприкосновения с кобанскими могильниками” (Иессен А.А., 1935б. С. 152, 153). Лишь в полном издании труда А.П. Круглова редакцией были внесены термины “каякентско-харачоевская культура” и “могильники каякентско-харачоевского типа”. Там же памятники культуры датируются IX–VIII вв. до н.э., выступая, таким образом, в определенной степени синхронными кобанским древностям (Круглов А.П., 1958. С. 92, 93). В этой работе заметно стремление автора к выделению двух групп памятников, характерных для восточных и западных районов Северо-Восточного Кавказа (Круглов А.П., 1958. С. 66).

В послевоенные годы Е.И. Крупнов серьезно занялся изучением самых различных вопросов, связанных с древностями этой части Кавказа. В тот период он отказывается от ранее высказанной точки зрения, что население, оставившее Каякентский

*Так как название сел. Харачой в Чечне в чеченском произношении не имеет других звуков “о”, кроме конечного, культуру следует называть “каякентско-харачоевской”. Под этим названием она начинает входить в литературу с 1965–1970 гг.

*Все основные работы А.П. Круглова (1907–1942 гг.) вышли из печати посмертно.

могильник и жившее в VI–V вв. до н.э., являлось “осколком этиунов-удинов”, бежавших от натиска халдов из страны Этиуни (бассейн р. Арпачай – притока Аракса в Армении) и переселившихся в Кавказскую Албанию (Крупнов Е.И., 1940. С. 17, 18). Теперь он меняет и датировку культуры, относя ее в более глубокую древность – 1200–700 и даже 400-м годам до н.э. (Крупнов Е., 1962. Р. 11–13; Крупнов Е.И., 1965. С. 339–341).

Раскопки могильника у сел. Тарки (рядом с г. Махачкала), известного еще в дореволюционное время (Исаков М.И., 1966. С. 35), оживили интерес к каякентско-харачоевским древностям. В 1947 г. Е.И. Крупнов вскрыл здесь пять погребений (Крупнов Е.И., 1951б. С. 209 и след.; Исаков М.И., 1947. С. 278–280). Затем в 1948–1949 гг. К.Ф. Смирнов исследовал еще 14 древних могил, датировав их “от начала I тысячелетия до н.э. до раннекифского времени, т.е. VII–VI вв. до н.э.” (Смирнов К.Ф., 1951. С. 254). Он считал, что материалы Таркинского могильника дают право говорить об особой “таркинской группе” древностей этого времени, для которой, по его мнению, характерны “общие черты как с каякентской, так и с хорочоевской” группами могильников. Иначе говоря, Таркинский могильник обладал смешанностью “характернейших черт” двух основных групп памятников каякентско-харачоевской культуры (Смирнов К.Ф., 1951. С. 257). В дальнейшем руководимая им экспедиция исследовала подобные могильники у селений Карабудахкент, Учавлах, Ачису и в других пунктах. Изучались также соответствующие впускные могилы в курганной группе у ст. Манас (Смирнов К.Ф., 1951. С. 254; Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1956. С. 184, 186).

Материалы археологических работ, проведенных на территории Северо-Восточного Кавказа к 1953 г., легли в основу кандидатской диссертации Р.М. Мунчаева, в которой уделено некоторое внимание и интересующим нас древностям. В этой монографии говорится о каякентско-харачоевской культуре как о “генетически связанной с предшествующим этапом развития местной культуры” (Мунчаев Р.М., 1953. С. 13) – очень верный тезис, подтвержденный дальнейшими исследованиями. Интересно, что А.А. Иессен глубоко чувствовал археологическую специфику Северо-Восточного Кавказа и всегда рассматривал памятники типа Каякента-Харачоя как “генетически восходящие к местной культуре предшествующего времени” (Иессен А.А., 1956. С. 15). Р.М. Мунчаев и в последующие годы стремился изучить характерные черты самой культуры и ее более древнюю подоснову (Мунчаев Р.М., 1958. С. 41–47).

Важной вехой в археологическом изучении Дагестана явились работы в бассейне р. Сулак, начатые в 1955 г. под руководством В.И. Канивца. Они позволили собрать новые материалы и подойти к новым, принципиально важным обобщениям.

В.И. Канивец, рассматривая памятники бассейна

р. Сулак, разделил их на три хронологических этапа, начиная с рубежа III–II тысячелетия до н.э. Это “сигитминский”, “миатлинский” и, наконец “каякентско-харачоевский этап”, которому отведены последняя треть II тысячелетия до н.э. и рубеж II – начало I тысячелетия до н.э. (Канивец В.И., 1959. С. 50, 51). Интересно, что первым двум этапам им даны названия по местным, сулакским памятникам (Сигитминскому поселению и Миатлинским курганам), и только для наиболее позднего этапа, благодаря всеобщему характеру его памятников, он оставляет традиционное название, взятое от культуры.

Подводя итоги археологического изучения Дагестана с 1918 по 1959 г., В.Г. Котович и Н.Б. Шейхов уделили значительное место вопросам, связанным с каякентско-харачоевской культурой. Они пришли к выводу, что периодизация, предложенная В.И. Канивцом, очень растянута. Это культура “двух-трех столетий”, но она целиком относится к эпохе бронзы и не может быть синхронна кобанской и другим культурам I тысячелетия до н.э., отражая “этническую общность”, характерную для Дагестана (Котович В.Г., Шейхов Н.Б., 1960. С. 342–345). Как видно, оба автора снова говорят о каякентско-харачоевских памятниках не только как об этапном явлении, а прежде всего как об особой культуре эпохи бронзы.

В.М. Котович выделяет на Верхнегунибском поселении особый пласт, связанный с каякентско-харачоевскими памятниками. Развивая мнение В.Г. Котовича о хронологии памятников Дагестана, она оперирует тремя этапами: это “карабудахкентско-гонобский”, “манасско-гинчинский” и каякентско-харачоевский. Начинает она свою периодизацию с конца III тысячелетия до н.э. В этой шкале памятники интересующего нас круга снова рассматриваются как этапные и датируются 1400–1100 гг. до н.э. (Котович В.М., 1965. С. 242–250). В.М. Котович подчеркивает преемственную связь древностей этапа с “культурой предшествующего” времени (“манасско-гинчинского этапа”), а наиболее поздняя дата его (1100 г. до н.э.) “определяется началом бытования в Дагестане памятников переходного этапа от бронзы к раннему железу” (Котович В.М., 1965. С. 249, 250).

Как мы видим, к 1965 г. все еще не были установлены более или менее стабильные хронологические рамки памятников каякентско-харачоевского типа и их историческое место в культурном развитии древнего населения Северо-Восточного Кавказа. Особенно четко заметна борьба мнений, если еще раз напомнить, что Е.И. Крупнов в эти же годы датировал каякентско-харачоевскую культуру периодом от XII в. до н.э. и почти до VII, а то и IV в. до н.э., иллюстрируя свое мнение в виде двух таблиц. И время бытования культуры, как и хронологическая последовательность соответствующих памятников, представлялись ему “именно в том виде”, как они были изображены на этих графиче-

ских таблицах (Крупнов Е.И., 1965. С. 339–341). Его даты противоречили мнению других археологов. Так, в предисловии к книге М.И. Пикуль “Эпоха раннего железа в Дагестане”, он писал: “далеко не бесспорной мне кажется тенденция автора каякентско-харачоевскую культуру Северо-Восточного Кавказа относить только к бронзовому веку” (Крупнов Е.И., 1967. С. 6). Е.И. Крупнов считал, что даты, полученные для древностей восточного региона кобанской культуры “могут служить определенными хронологическими эталонами” для разработок хронологии центральнокавказской, каякентско-харачоевской и других культур (Крупнов Е.И., 1969. С. 18).

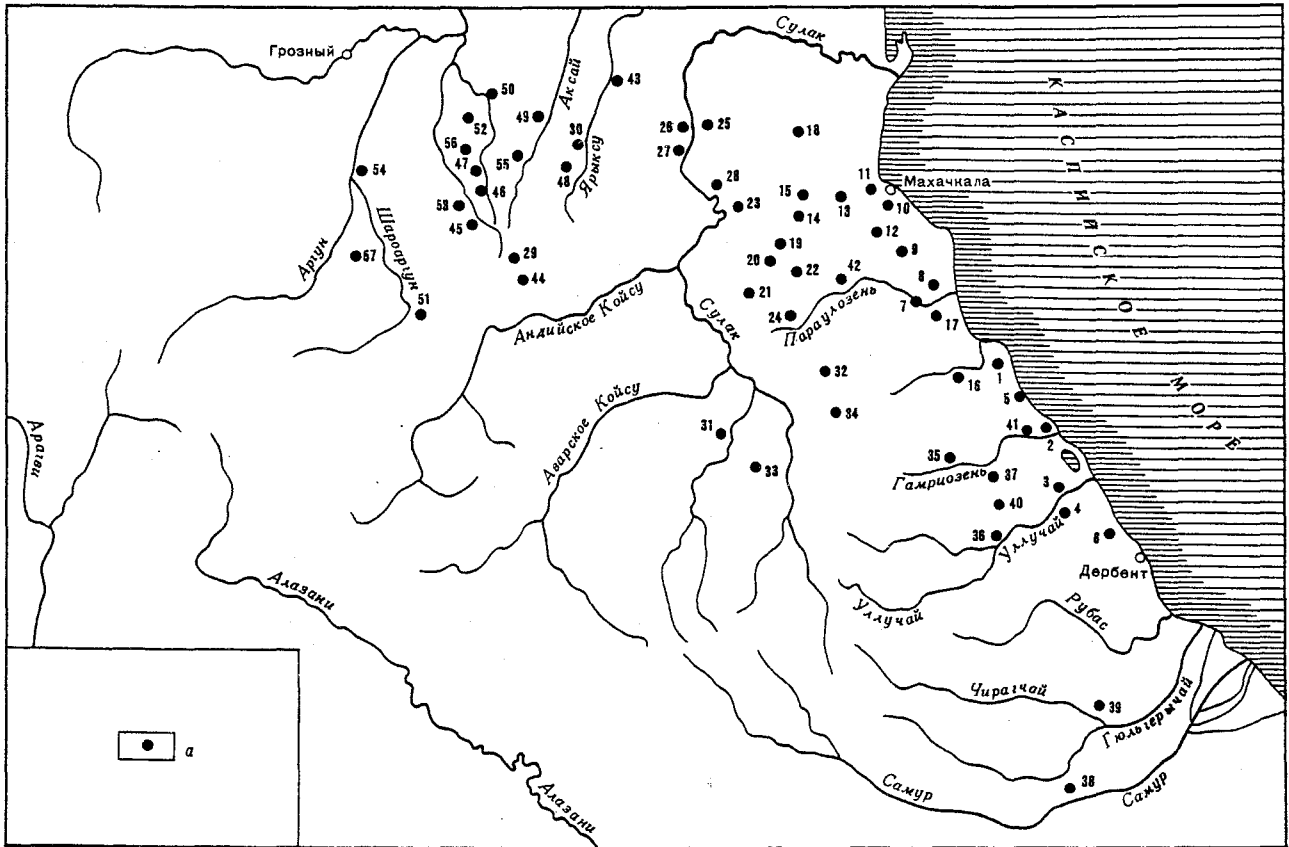
В 1969 г. вышла книга В.И. Марковина, специально посвященная каякентско-харачоевской культуре. В ней был обобщен известный к этому времени материал по 93 памятникам. Хронологически они были разбиты на три периода, которые охватывают время приблизительно от 1300 до 900–800 гг. до н.э. (близки скифскому времени), намечены локальные черты по отдельным группам памятников (Марковин В.И., 1969а). К сожалению, в книгу был введен такой памятник, как Дагбашский-Зандакский могильник (раскопки М.И. Пикуль и В.И. Марковина в разные годы), отдельные комплексы которого содержат некоторые черты как каякентско-харачоевской (в керамике, металле), так и кобанской культур (более всего в металле) (Марковин В.И., 1969а. С. 18, 31, 35 и др.). Синкретически своеобразный характер материалов, полученных в Зандаке, явился поводом для выделения особой “зандакской культуры” (Давудов О.М., 1974. С. 32–40), а так как комплексы Зандакского могильника еще полностью не опубликованы, то довольно аморфны границы этой новой культуры и ее хронологические рубежи (конец II начало I тысячелетия до н.э. и до IV в. до н.э. (см.: Давудов О.М., 1974. С. 39). В то же время В.И. Козенкова, не отрицая смешанный облик зандакского материала, относит его по сути дела целиком к кобанской культуре, имеющей прямое отношение уже к эпохе железа (Козенкова В.И., 1977. С. 21 и след.), что, конечно же, не позволяет верно оценить историческое значение данного памятника (Марковин В.И., 1980в. С. 318–321), важного для изучения довольно поздних, пережиточных культурных явлений, связанных с каякентско-харачоевскими племенами в зоне их контактов с носителями кобанских традиций.

М.И. Пикуль, рассматривая небольшой материал своих раскопок в Зандаке (Дагбаше), куда более справедливо рассматривала его как отражающий переходный момент от бронзы к железу, “когда еще сохраняются многие черты, присущие эпохе поздней бронзы”, имея в виду каякентско-харачоевскую культуру (Пикуль М.И., 1967. С. 19–22).

Развернувшиеся археологические работы в Дагестане и Чечне увеличили количество новых памятников каякентско-харачоевской культуры. Это

обстоятельство позволило В.Г. Котовичу поставить вопрос о “необходимости пересмотра сложившихся представлений” об их историческом месте в хронологии. Своеобразная схема такого пересмотра была представлена им в тезисах доклада, прозвучавшего в Тбилиси в 1971 г. на Всесоюзной археологической конференции (Котович В.Г., 1971. С. 19–21). В.Г. Котович прежде всего выступал против “омолаживания” культуры, ибо в 70-е годы появилось стремление не ограничивать поздний этап бытования каякентско-харачоевских памятников предскифским временем. Так, В.Б. Виноградов писал: “По-моему убеждению, каякентско-харачоевская культура не исчезла повсеместно одновременно с бронзовым веком”, а “продолжала свою эволюцию”. Это дало повод датировать поздний этап культуры VII–IV вв. до н.э. (Виноградов В.Б., 1972. С. 265, 312). Мнение В.Г. Котовича, изложенное в упоминавшихся тезисах, он отказался принять (Виноградов В.Б., 1974. С. 5).

В 1978 г. вышла большая статья В.Г. Котовича, в которой автор довольно весомо обосновал свое мнение по хронологическим вопросам. Сравнительный инвентарь памятников типа Каякента-Харачоя с предметами “северокавказской культуры” III этапа и Переднего Востока, он датировал его “третьей четвертью II тысячелетия до н.э.”. Далее, В.Г. Котович рассматривает эти памятники не как объекты особой культуры, а как материал, отражающий определенный этап в историческом развитии древнего населения Северо-Восточного Кавказа, который, в свою очередь, сменяется “талгинским этапом”, а затем “зандакско-мугерганским” (Котович В.Г., 1978б. С. 74–76). Не касаясь здесь всех сторон этой работы, следует заметить, что выделенный В.Г. Котовичем “этап” хронологически мало отличается от времени, отведенного В.И. Марковиным для существования всей культуры (с комплексами талгинского типа). Что же касается аналогий, приводимых им для “этапных памятников”, то они кажутся беглыми и не очень прочными (с одной стороны, Северный Кавказ, с другой – Передний Восток). В целом работа, сделанная В.Г. Котовичем, оказалась очень полезной. Она показала всю сложность работы над таким, казалось бы, однородным материалом, каким представляются памятники каякентско-харачоевского типа. Уже само применение к ним таких терминов, как “культура” и “этап”, отражающих совершенно разные понятия, свидетельствует о различном методическом подходе разных ученых к этим памятникам. Одни (если говорить о “культуре”) видят в них законченное эпохальное явление, отражающее за единообразным археологическим материалом некое этническое единство, которое можно распространить на территорию, занятую данной культурой, другие (когда речь идет об “этапе”) – определенный, хронологически очерченный и закономерный период в историческом развитии общества (вне связи с эт-

Карта 7. Основные памятники каякентско-харачоевской культуры

a – памятники культуры; 1 – г. Избербаш, 2 – ст. Каякент, 3 – сел. Берикей, 4 – сел. Великент, 5 – пос. Инче, 6 – г. Дагестанские Огни, 7 – сел. Карабудахкент, 8 – ст. Манас (Каркома-хола), 9 – сел. Уйташ, 10 – пос. Тарки, 11 – пос. Алибурикент, 12 – курорт Талги, 13 – сел. Ленинкент, 14 – урочище Капчугай, 15 – урочище Кумторкала, 16 – сел. Учавлах, 17 – пос. Ачису, 18 – ст. Алмало, 19 – сел. Кафыр-кумух, 20 – г. Буйнакск, 21 – сел. Манас-аул, 22 – сел. Буглен, 23 – сел. Ишкарты, 24 – сел. Нижний Дженгутай, 25 – сел. Верхний Чирюрт (Нижняя Сигима, Кабаргы-кутан), 26 – сел. Миатлы,

27 – сел. Старый Чиркей (Бураганшоб), 28 – сел. Новый Чиркей, 29 – сел. Гагатль, 30 – сел. Новолакское, 31 – сел. Гуниб (Верхний Гуниб), 32 – сел. Урма, 33 – сел. Чох (Нохала-ад), 34 – сел. Левашы, 35 – сел. Кичи-Гамри, 36 – сел. Маджалис, 37 – сел. Мамай-Кутан, 38 – сел. Мугерган, 39 – сел. Нутюг, 40 – урочище Ажар, 41 – пос. Новый Дейбук (Казмаляр), 42 – сел. Параул (Мискинбулак), 43 – г. Хасавюрт, 44 – сел. Анди, 45 – сел. Харачой, 46 – сел. Дарго, 47 – сел. Белгатой, 48 – Зандак (Дагбаш), 49 – сел. Ишхой-Юрт, 50 – сел. Бачи-Юрт, 51 – сел. Хиндой, 52 – сел. Курчалой, 53 – сел. Ведено, 54 – сел. Дуба-Юрт, 55 – сел. Согунты, 56 – сел. Гуни, 57 – Гатын-Кале

носом), нашедший отражение в археологическом материале. Однако к этому вопросу мы еще вернемся в конце главы.

В 1939–1940 гг., когда А.П. Круглов работал над своей монографией, были известны единичные памятники культуры (Круглов А.П., 1958. С. 51, 52). К 1950 г. в Чечне и Дагестане было обнаружено 18 могильников (Смирнов К.Ф., 1951. С. 254–257). Сейчас их известно уже около 100 (карта 7). В основном это погребальные памятники – преимущественно грунтовые могильники и изредка отдельные впускные захоронения в курганных насыпях (Манас, Чирюрт, Миатлы). Среди погребальных сооружений преобладают каменные ящики. Материалом для них служили мергель, известняк, песчаник, сланец. Для устройства могилы рыли, как правило, небольшую яму и в ней устанавливали каменные плиты, образующие стены ящика (табл. 106, 1,

4). Большой частью каменные ящики сделаны наспех, плиты между собой не скреплены, иногда одна, а то и две стенки сооружения собраны из двух-трех обломков камня (могильники в сел. Ишхой-Юрт, Харачой, Белгатой). Для перекрытия чаще всего употреблялись тонкие пласты горных пород. Однако изредка встречаются сооружения, плиты которых старательно обтесаны. Таков, например, ящик 46 в Харачое (Круглов А.П., 1958. С. 136).

Дно каменных ящиков часто представляет собой выровненный грунт, только в ящике 2 у сел. Гагатль в Дагестане оно было выложено мелкими камнями (Круглов А.П., 1958. С. 52, 139). По форме камеры известны сооружения вытянуто-прямоугольной конфигурации, затем квадратные и близкие квадрату.

Ящики удлиненной формы большей частью со-

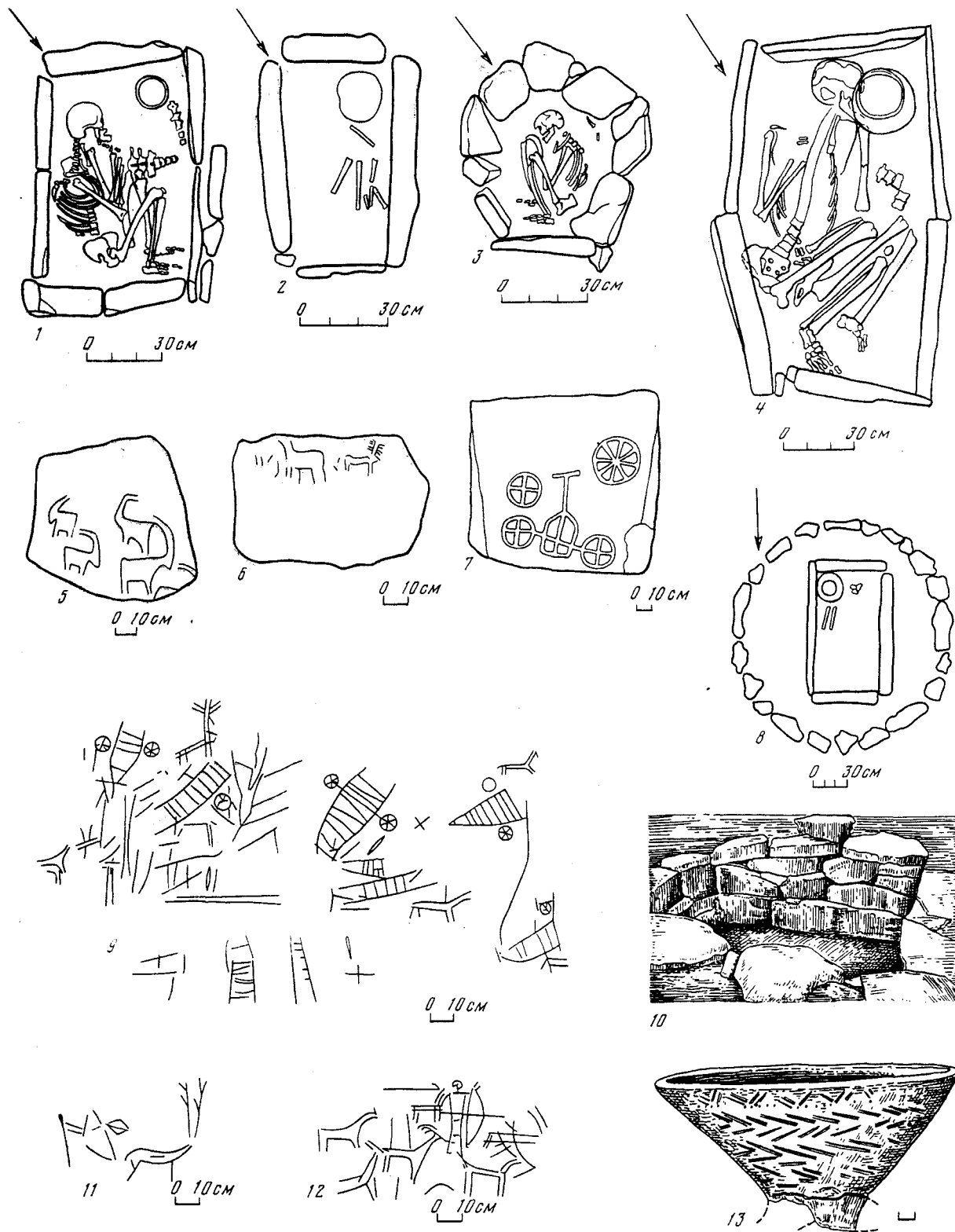

Таблица 106. Северо-Восточный Кавказ. Отдельные захоронения каякентско-харачоевской культуры, петроглифические изображения и ритуальная чаша

1, 3, 4, 10 – Харачой, погребения 35, 17, 18 и 36 (по А.П. Круглову); 2 – Алибурикент, одиночное захоронение (по М.И. Пикунь и В.И. Марковину); 5, 6 – Нижняя Сигитма, каменные блоки с изображениями (по К.А. Бредэ);

7 – Берикей, каменная плита с изображением (по Б.Е. Дегену); 9, 11, 12 – наскальные изображения из Манас-аула, Нижнего Казаница и Ленинкента (по В.И. Марковину); 13 – чаша из погребения 15 в Каякенте

держат захоронения взрослых людей. Сооружения, приближающиеся по форме к квадрату, особенно характерны для Каякентского (ящички 24, 25, 29, 33) и Талгинского (ящички 1, 2, 4, 8, 9, 12) могильников. В них обнаружены погребения взрослых людей и детей (ОАК за 1893 г. С. 153 и след.; Исаков М.И., 1957. С. 126 и след.).

Ящички квадратной формы встречаются редко и содержат останки детей. Размеры ящичков невелики. Вытянуто-прямоугольные имеют в длину от 1,60 до 0,90 м, ширину около 0,70–0,50 м, глубину их достигает от 0,50 до 0,30 м. Самой мелкой удлиненной гробницей надо считать погребение 11 в Харачое: 0,70 × 0,55 м (Круглов А.П., 1958. С. 108). Камеры, близкие квадрату, варьируют от 0,90 × 0,80 и до 0,55 × 0,45 м (высота неизвестна). Чисто квадратные ящички мелки: 0,60 × 0,60 м (Талги, погребение 3), 0,50 × 0,50 м (Харачой, погребение 38) (Исаков М.И., 1957. С. 128; Круглов А.П., 1958. С. 132) и других близких им размеров.

Грунтовые могильники с каменными ящичками не сохранили внешних признаков, однако в древности некоторые из них могли иметь надмогильные сооружения. Так, могильник у склона горы Таркитау (юго-западнее Махачкалы) имел небольшие каменные выкладки-оградки, вытянутые с севера на юг, и стелы. Некоторые могилы были отмечены обломками скал (Марковин В.И., 1969а. С. 33. Рис. 10). Стелообразными камнями был отмечен один из ящичков Новодейбукского могильника (сел. Казмаляр; см.: Марковин В.И., 1980а. С. 35). У сел. Старый Чиркей (местность Бурганшоб) обнаружена кольцевая каменная оградка над ящичком 3. Диаметр ее около 2 м (табл. 106, 8; Путинцева Н.Д., 1959. С. 16; Марковин В.И., 1969а. С. 33, 34. Рис. 11). Каменная оградка в виде полукольца окружала захоронение 22 в ящичке на Таркинском могильнике (Смирнов К.Ф., 1951. С. 236. Рис. 4). Каменным кольцом был обрамлен и каменный ящик в кургане 4 третьей группы у сел. Миатлы (Канивец В.И., 1959. С. 40; Костюченко И.П., 1959. С. 101, 102). Выкладки из отдельных камней и валунов располагались вокруг некоторых захоронений Харачоевского могильника (погребения 2, 16, 31, 42, 43). В диаметре подобные ограды достигали 7 м. Выкладки зафиксированы и на могильнике Гагатль (Круглов А.П., 1958. С. 53, 54, 130). Можно думать, что в свое время они были видны на поверхности кладбищ.

Стелы – вертикально поставленные камни, помимо могильника у горы Таркитау, отмечены у отдельных могил в Харачое (погребения 22, 39) и на Таркинском могильнике. Возвышались они у головы и иногда одновременно служили боковой стеной ящичка.

Однако могильники содержат не только каменные ящички. В одном лишь Харачое обнаружены захоронения под завалом камней (погребение 15), в

округлых и прямоугольных ямах, обложенных по краям камнями (погребения 17, 21, 25, 26, 37; табл. 106, 3), в простых ямах без обрамления (погребения 28, 29, 41, 44, 48) и в яме, обложенной деревом (погребение 22). Такие захоронения (Круглов А.П., 1958. С. 52, 53 и др.) от всех 53 раскопанных могил в Харачое составляют примерно 1/5 часть. В Каякенте неизвестны могилы вне ящичков, а в Таркинском могильнике было исследовано одно захоронение (8), вероятно совершенное в яме, но сверху перекрытое каменной плитой (Крупнов Е.И., 1951б. С. 215). Вполне возможно, что обилие ям в могильниках данной культуры и предшествующего времени является локальной, специфической особенностью для территории Чечни. Так, захоронения в могильнике у сел. Бачи-Юрт обнаружены только в ямах, а этот памятник, судя по инвентарю, смыкается с каякентско-харачоевской культурой (Ошаев М.Х., 1979. С. 51–70).

В Харачоевском могильнике был исследован также один склеп (погребение 36; табл. 106, 10). Он был составлен “не из вертикальных камней, а из хорошо подобранных камней, положенных в несколько рядов; для заполнения щелей между большими камнями вставлены мелкие камни” (Круглов А.П., 1958. С. 131. рис. 54). Это могильное сооружение в памятниках культуры занимает одиночное положение, но находит многочисленные аналоги в памятниках предшествующего времени (Гатын-Кале, Миатлы, Гинчи и др.).

Захоронения на некрополях имеют четкую планировку. Независимо от типа могильных сооружений (ящички, ямы) расположены они правильными рядами (Каякент, Харачой, Талги, Гагатль и др.; см.: Круглов А.П., 1958. С. 54, 55, 100. Рис. 22; Исаков М.И., 1957. С. 127. Рис. 52; ОАК за 1898 г. С. 141. Рис. 1). В Таркинском могильнике ящички были расположены в один ряд (Смирнов К.Ф., 1951. С. 246).

Основная масса погребений харачоевского могильника ориентирована по длине с юго-запада на северо-восток (24 могилы), с юга на север (20 могил) и с юго-юго-запада на северо-северо-восток (восемь могил). Могила, вскрытая в сел. Дарго, была вытянута с юго-запада на северо-восток (Круглов А.П., 1958. С. 100), ящички сел. Ишхой-Юрт ориентированы с юга на север (Марковин В.И., 1969а. С. 36. Рис. 14). Иное направление имели гробницы у сел. Белгатой – они были вытянуты с востока на запад (Круглов А.П., 1958. С. 97), преимущественно с такими же ориентировками зафиксированы ящички и в Каякенте, хотя здесь встречены также захоронения, лежавшие по направлению с севера на юг (ОАК за 1898 г. С. 142; Крупнов Е.И., 1940. С. 8).

Захоронения, обнаруженные в бассейне р. Сулак (Верхний Чирюрт, Миатлы, Новый и Старый Чиркей), преимущественно ориентированы с юга на север, реже встречены направления с юго-запа-

да на северо-восток и с юго-юго-запада на северо-северо-восток (Костюченко И.П., 1959. С. 95, 101, 108, 115, 116, 120). Подобные ориентировки погребенных зафиксированы и в районе г. Махачкалы (Тарки, Алибуригент) (Крупнов Е.И., 1951б. С. 225; Смирнов К.Ф., 1951. С. 244; Марковин В.И., 1969а. С. 36, 38. Рис. 15, 3). В могильниках, расположенных у курорта Талги и сел. Берикей и Маджалис, костяки в основном были ориентированы с юго-запада на северо-восток (Исаков М.И., 1957. С. 126 и след.; Круглов А.П., 1958. С. 142–146).

Возможно, разница в ориентировке может указывать на какие-то локальные группы, существовавшие внутри культуры. Намечается разница и в планировке могил. Так, в Харачое и Гагатле их ряды тянулись с юго-запада на северо-восток, а в Каякенте – в противоположном направлении (с северо-запада на юго-восток).

Во многих погребальных сооружениях независимо от конструкции и ориентировки обнаружены скорченные костяки. Только детские скелеты, и то лишь в редких случаях, находились в вытянутом положении (Каякентский могильник – погребения 26, 33, Таркинский могильник 1 – погребения 7, 9) (ОАК за 1898 г. С. 153, 155; Смирнов К.Ф., 1951. С. 244). Скорченные костяки имеют два основных положения: на боку и сидя. Представляется, что положение умерших на боку более всего характерно для западных районов Северо-Восточного Кавказа, в более восточных преобладало ритуальное усаживание покойников. Хотя, следует оговориться, в ряде памятников сочетаются оба обряда (могильники у курорта Талги и у сел. Тарки).

На правый бок укладывали тела умерших мужчин, на левый – женщин (Круглов А.П., 1958. С. 55, 56). Покойника в основном старались класть так, чтобы он был направлен головой к югу (имеются отклонения: юго-запад, юго-восток), реже к западу или востоку (сел. Белгатой; см.: Круглов А.П., 1958. С. 97; Магомедов А.Р., 1980. С. 50).

Сидящие костяки размещались по углам ящиков, лицевыми частями черепа обращены на запад, реже встречались другие направления (Каякентский могильник; см.: ОАК за 1898 г. С. 142 и след.; Мискинбулакский могильник у сел. Параул; см.: Котович В.М., 1978. С. 80, 86; могильник у сел. Новый Дейбук (Казмалар); см.: Марковин В.И., 1980. С. 35).

В захоронениях каякентско-харачоевской культуры, помимо предметов, сопровождавших умерших, часто встречаются угольки – следы каких-то культовых действий, а также кости животных – остатки заупокойной пищи. В Харачое близ могилы 31 удалось обнаружить две ритуальные ямы с остатками углей и обожженных костей животных (Круглов А.П., 1958. С. 58, 59). Три подобные ямы (“костища”) величиной до 1,70 × 1,40 м

найжены возле каменных ящиков Мискинбулакского могильника (Котович В.М., 1978. С. 84, 85).

Среди каменных ящиков культуры не очень часто, но встречаются отдельные сооружения без “малейших признаков человеческих костяков”. Таковы 10 ящиков в Мискинбулаке. Они содержали изделия из бронзы, керамику, кости крупного и мелкого рогатого скота. В каждом “было найдено много древесных угольков”. Так как эти ящики составляли половину из всех обнаруженных здесь сооружений, то В.М. Котович не решается называть их кенотафами (Котович В.М., 1978. С. 81, 82, 84, 88). Вероятно, оснований для этого у исследовательницы нет. Отметим также, что каменные ящики без человеческих останков были зафиксированы и на Тахиркалинском могильнике (Магомедов А.Р., 1980. С. 47–50).

Размещение погребального инвентаря в могилах культуры и его состав были строго регламентированы. Почти в каждой могиле обычно стоит от одного до трех сосудов и они размещены в строго определенных местах. В захоронениях у селений Белгатой, Дарго, Ишхой-Юрт, Харачой сосуд располагался возле черепа (иногда перед его лицевыми частями), в углу могильного сооружения. Только один раз в Харачое (погребение 20) отмечено положение сосуда у ног костяка (Круглов А.П., 1958. С. 114–117). Менее определенное место занимали сосуды в могильнике Тахиркала на р. Манас (Магомедов А.Р., 1980. С. 51) и в подкурганых могилах, раскрытых в бассейне р. Сулак. Здесь сосуды обнаружены у головы, в ногах, по углам и возле грудной клетки (Канивец В.И., Буров Г.М., 1956. С. 49; Канивец В.И., 1959. С. 47; Костюченко И.П., 1959. С. 95, 102, 110, 120. Рис. 7). В ящиках, исследованных в районе г. Махачкалы (могильники у сел. Тарки), сосуды размещались в основном по углам и вдоль стен (Смирнов К.Ф., 1951. С. 237–243). В.И. Долбежев, исследовавший Каякентский могильник, отмечает, что крупная керамическая посуда встречалась ему сразу же за перекрытием, а “мелкая же посуда, в форме плошек и вообще с широким отверстием, находилась обыкновенно на дне гробницы” (ОАК за 1898 г. С. 142). Очевидно, крупный сосуд в Каякентском некрополе опускали во время похорон перед самым закрытием гробницы.

Интересна еще и одна деталь. Для памятников западных районов характерно наличие в могилах одного сосуда (только в погребении 50 Харачоевского могильника найдено два сосуда, см.: Круглов А.П., 1958. С. 57), а для более восточных районов культуры, начиная от бассейна р. Сулак, – двух-трех и более. Так, в могильнике Кабартыкутан (сел. Верхний Чирюрт) в ящике 3 в “каждом углу, кроме южного”, находилось по сосуду (Пикуль М.И., 1951. С. 160). По три сосуда находилось в отдельных погребениях могильников у сел. Тарки, ст. Манас и сел. Мамай-Кутан (Смирнов К.Ф., 1951. С.

238; Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1956. С. 180; Котович В.Г., 1959. С. 138). До пяти сосудов было в погребениях Талгинского могильника (Исаков М.И., 1957. С. 128, 129).

Итак, для всей территории культуры общими являются следующие характерные особенности: преобладание погребений в каменных ящиках, их четкая планировка, наличие в основном скорченных и одиночных захоронений, следы ритуальных действий с огнем в могилах, закладка в могилы мясной заупокойной пищи. Наряду с такими общими признаками можно отметить и чисто местные черты, которые встречаются в узких локальных районах. Это наличие стел, кромлехов, оградок, которые характеризуют далеко не все могильники. Далее сочетание в одном некрополе каменных ящиков с другими погребальными сооружениями, различные ориентировки могил и даже их рядов, разница в позе погребенных (сидя и лежа на боку) и их направлении относительно стран света, разные расположение и число сосудов в могилах.

Уже описание памятников Северо-Восточного Кавказа эпохи бронзы (см. предыдущую главу) дает возможность заметить определенную связь памятников ранней и развитой бронзы с каякентско-харачоевскими, хотя следует оговориться, что в ту эпоху каменные ящики встречаются довольно редко. Вероятно, прототипом их следует считать ямы, обложенные по краям камнями (подобные могилы обнаружены в Гатын-Кале). Как справедливо отмечает Р.М. Мунчаев, к концу II тысячелетия до н.э. каменные ящики “являются основным и почти единственным типом сооружений Дагестана, да, пожалуй, и всего Северо-Восточного Кавказа” (Мунчаев Р.М., 1973. С. 11). Замена склепов, служивших для коллективных захоронений, каменными ящиками, использовавшимися в основном для одиночных покойников (Марковин В.И., 1969а. С. 39)*, не является каким-либо противоречием. В.Г. Котович объясняет данный факт “не изменениями в этническом составе населения”, а социальными причинами – возрастанием роли малых семей (Котович В.Г., 1958. С. 56).

И этот переход от склепов к каменным ящикам происходил постепенно: в четырех подкурганых захоронениях, раскрытых у сел. Верхний Чирюрт (хутор Зурамагенд, VII группа), найдены каменные ящики, инвентарь которых может быть отнесен к предшествующему времени (Канивец В.И., Буров Г.М., 1956), а керамика находит аналогии в миатлинских склепах (Канивец В.И., Березанская С.С.,

1959. С. 69, 74. Рис. 5; 9, 1) и памятниках типа Гатын-Кале-Гинчи.

Уже говорилось о наличии кромлехообразных оград вокруг отдельных погребальных сооружений культуры. Они хорошо известны по ряду памятников Северо-Восточного Кавказа эпохи развитой бронзы. Ими окружались курганы и отдельные могилы (Гинчи, Чох, Кули и др.). В этом отношении интересен кромлех, обнаруженный еще в XIX в. у сел. Старый Чиркей. В него были “вписаны” каменные ящики (Комаров А.В., 1872. С. 113, 114). Даже такие детали, как стелы, известны среди более ранних памятников эпохи бронзы (Гатын-Кале, Экибулак и др.). Такие могильники, как Гоно, Гинчи, Харсеной, Гатын-Кале, имели четкую планировку могил. Эти данные так же, как и скорченное положение погребенных, с несомненностью указывают на генетические связи памятников предшествующего времени с древностями каякентско-харачоевского круга.

Обратимся к вещевому материалу культуры. Наиболее массовыми являются керамические изделия, встречающиеся в могильниках и на поселениях. Сделаны они, вероятно, от руки, без применения гончарного круга. Некоторые сосуды поэтому несимметричны, имеют скошенные днища и устья. В изломе черепок серо-черного цвета, глина имеет комковатую структуру, в ней ясно заметны частицы глинистого сланца. Такой состав глины характерен для керамики всех этапов эпохи бронзы Северо-Восточного Кавказа. Поверхность сосудов серо-черная и красная.

Керамика культуры, как и посуда предыдущего времени, по способу обработки наружной поверхности может быть разделена на две группы: 1) посуда, покрытая грубой обмазкой еще до обжига, обычно ею обмазано только тулово, которое на лепном валике отделяется от сглаженной шейки и венчика; 2) посуда с довольно ровной поверхностью.

К.Ф. Смирнов специально изучал керамику Таркинского могильника. Его типология неплохо увязывается с материалом всего обширного региона культуры. Он группирует посуду данного могильника по трем разновидностям (Смирнов К.Ф., 1951. С. 248–251). Нами предложена семичленная типология керамики, характерной для разных памятников культуры. Эту типологию (Марковин В.И., 1969а. С. 42–59. Рис. 18–20, 23–25) В.Г. Котович считает довольно сложной, сведя ее к трем основным типам (Котович В.Г., 1978б. С. 58–61; 1982. С. 56–59. Рис. 7). Попытаемся учесть мнение К.Ф. Смирнова и В.Г. Котовича.

1-й тип посуды (табл. 107) – это наиболее распространенные и самые крупные сосуды с широким туловом и непропорционально узким дном (они редко имеют ручки). Венчик сильно отогнут наружу (тип А по К.Ф. Смирнову и I тип по В.И. Марковину и В.Г. Котовичу). Среди них встречаются покрытые обмазкой (сохраняют следы дви-

* Исключений не очень много: по два костяка лежало в отдельных могилах у селений Дарго, Маджалис (Круглов А.П., 1958. С. 100, 144–146), Тарки (Смирнов К.Ф., 1951. С. 244), Каякент (ОАК за 1898 г. С. 143 и след.), могильника Мискинбулак (Котович В.М., 1978. С. 80, 86), курорта Талги (Исаков М.И., 1957. С. 126), по два и по три костяка в двух ящиках у сел. Верхний Чирюрт (Канивец В.И., Буров Г.М., 1956. С. 7, 8, 12–18).

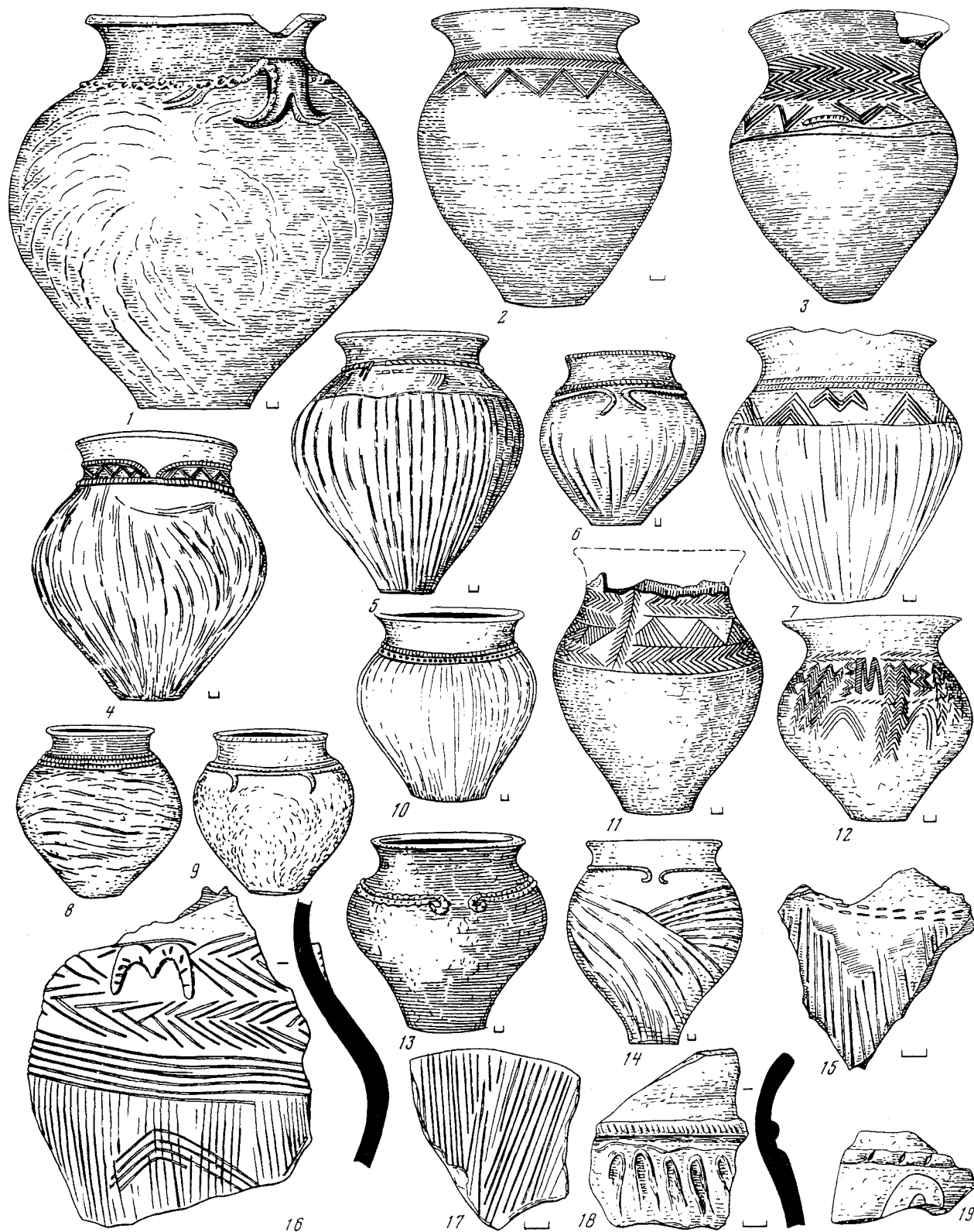

Таблица 107. Керамика каякентско-харачоевской культуры из Дагестана (1–5, 7, 8, 10, 11, 14–18) и Чечни (6, 9, 13, 19)

1 – сел. Новый Чиркей, овраг Ачи (работы Н.Д. Путиной);
 2 – сел. Берикей, погребение 3 (работы А.П. Круглова); 3, 11,
 12 – сел. Каякент, погребения 10, 18, 23 (работы В.И. Долбе-
 жева); 4 – окрестности Махачкалы; 5 – сел. Тарки (работы
 В.И. Марковина); 6, 9, 13, 19 – сел. Харачой, погребения 29, 38,

40 и из раскопа (работы А.П. Круглова); 7, 16 – ст. Манас,
 курган 2, погребение 4 (работы К.Ф. Смирнова); 8 –
 сел. Мамай-Кутан; 14 – г. Буйнакс, полигон (коллекция
 Б.И. Гаджиева); 15 – сел. Учавлах; 17, 18 – сел. Тарки из
 засыпки (работы Е.И. Крупнова)

жения пальцев) и гладкие. Иногда обмазку заменяют комочки глины или имитация ее штрихами. Таковы черепки посуды из Таркинского могильника, у ст. Манас (погребения 4 кургана 2), могильника у сел. Учавлах (табл. 107, 7, 16) (Крупнов Е.И., 1951а. С. 213. Рис. 5, 1; Смирнов К.Ф., 1951. С. 254, 255. Рис. 14, 5; Марковин В.И., 1969а. С. 43, 45. Рис. 17, 1, 4, 6). Довольно гладкие сосуды, покрытые штриховкой и “елочкой”, найдены в Каякенте (ГИМ. Инв. 40753; табл. 107, 3, 11, 12). Размеры сосудов этого типа варьируют в высоту примерно от 40 до 30 см, но могут быть и больше, при этом диаметре тулова у них на 5–7 см меньше высоты сосуда, диаметры дна составляют примерно 1/3 высоты, а величина устья – немногим ее больше.

Декор керамики этого типа состоит из налепных валиков (иногда они расположены в два-три ряда), имеющих вмятины, нарезки и наколы; выступов в виде псевдоручек, налепов в виде рожек (наподобие буквы М) и трезубца; нарезного орнамента (штрихи, горизонтальная и вертикальная “елочка”, заштрихованные углы и зигзаги). Весь этот декор редко можно видеть на одном сосуде, хотя в целом посуда данного типа (табл. 107, 3–12, 14, 15) производит впечатление богато орнаментированной (Марковин В.И., 1969а. С. 47–51. Рис. 16–21; Маммаев М.М., 1989. С. 238. Рис. 91).

Разница в степени заглаженности корпуса и в орнаменте позволяет пока еще предположительно выделить три территориальные группы памятников, в которых встречаются подобные сосуды: 1) Восточная Чечня. Здесь чаще всего встречается керамика, покрытая густой обмазкой с преобладанием в декоре налепных валиков; 2) Северный Дагестан до условной линии г. Избербаш–Учавлах–Урма; керамика в большинстве случаев также покрыта обмазкой, но в ее декоре сочетаются налепные валики, отдельные налепы и нарезной орнамент; 3) Южный Дагестан; характерны грубо заглаженные сосуды, обмазка редка, преобладает прочерченный орнамент, иногда дополненный отдельными налепами и валиками с наколами.

2-й тип посуды – эту керамику К.Ф. Смирнов и В.Г. Котович объединяют с предыдущей. Однако нам кажется, что сосуды данного типа, будучи близкими по форме предыдущим, имеют некоторое своеобразие: они менее крупные (не выше 25–23 см), приземистые (у них широкое дно и не так сильно отвернуто устье), слабо орнаментированы. Известно их немного. В могилах они заменяют более распространенные сосуды 1-го типа (так, в Харачое, в погребениях 20 и 34, обнаружены только такие сосуды; табл. 108, 27, 28). Декор одного из подобных, но не сохранившихся сосудов (из могилы 26 в Харачое) А.П. Круглов описывает так: “ручка воспроизводит нос, дугообразные валики – брови, а округлые выпуклости – глаза” (Круглов

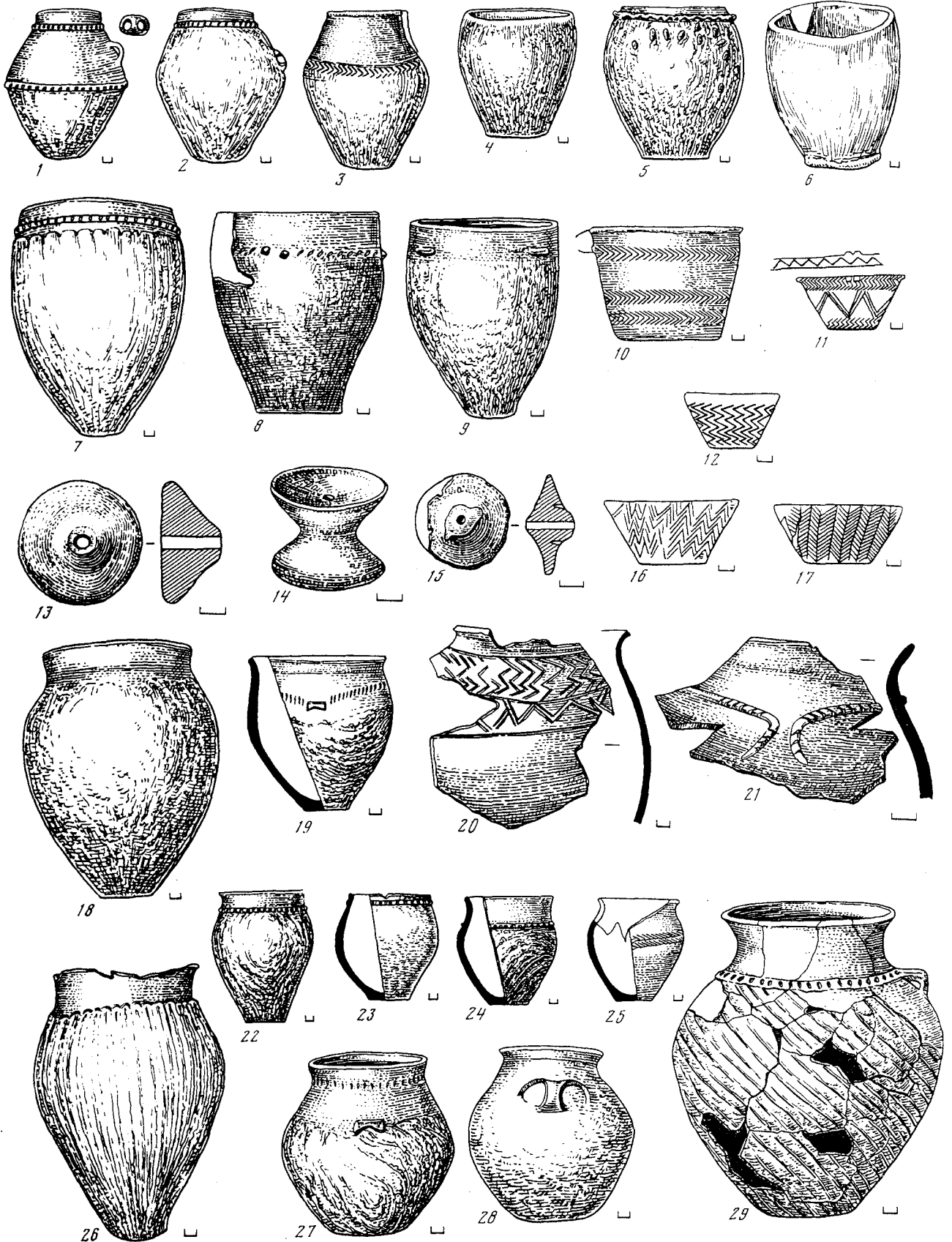
А.П., 1958. С. 61). К сожалению, этот сосуд обнаружить не удалось. Керамика этого типа известна также из Ачису, Чиркея, окрестностей Махачкалы, Талги, Карабудахкента и других пунктов (Марковин В.И., 1969а. С. 54).

3-й тип посуды (тип Б по К.Ф. Смирнову) – у В.Г. Котовича этот тип керамики назван вторым, в нем объединены типы 3 и 5, выделенные в 1969 г. В.И. Марковиным (Марковин В.И., 1969а. С. 54–57; Котович В.Г., 1978б. С. 58; 1982. С. 57). С таким обобщением можно согласиться, что позволяет уменьшить типологическую расчлененность.

Сосуды данного типа имеют несколько округло-вытянутое неширокое тулово, довольно устойчивое дно и отвернутый венчик – иногда в виде раструба (у некоторых сосудов устье равно ширине корпуса или несколько его превышает). Отдельные экземпляры покрыты обмазкой (табл. 108, 18, 19, 22, 26). Высота до 35–25 см. Декорировка бедна, хотя и напоминает по своему расположению декор сосудов первого типа. Довольно характерно орнаментирован сосуд из могильника у сел. Белгатой (погребение 5): “на месте перегиба от венчика к стенкам – орнамент в виде валика с нарезками, к которому как бы подвешены небольшие, дугообразно изогнутые валики, располагающиеся четырьмя группами, по две в каждой” (Круглов А.П., 1958. С. 97). В целом декор сосудов довольно скуп (табл. 108, 23–25). Иногда даже отсутствует (Марковин В.И., 1969а. С. 54–56). У двух сосудов, найденных в Мискинбулаке, на заглаженной части близ устья “имеется по два сверленных круглых отверстия, вероятно предназначенных для закрепления веревочкой ручки” (Котович В.М., 1978. С. 89. Рис. 4–6).

4-й тип посуды (не учтен К.Ф. Смирновым и В.Г. Котовичем) – для него характерны сосуды биконической (острореберной) формы. Дно у них широкое и почти такой же величины устье (венчик почти не отогнут), имеют по одной ручке. Такие сосуды найдены в Харачое (погребение 8), Белгатое (погребение 6) и Мамай-Кутане (табл. 108, 1–3) (Круглов А.П., 1958. С. 99, 106. Рис. 21, 2; 26, 3; Котович В.Г., 1959. С. 137. Табл. VI, 9; Марковин В.И., 1969а. С. 55).

5-й тип посуды (6-й тип по работе В.И. Марковина) – это керамика баночных форм: приземистые, округлые или слегка угловатые сосуды с устьем, немного обращенным внутрь (высота варьирует от 39 до 6 см). Вероятно, употреблялись в качестве кухонной посуды. Основные находки сделаны на бытовых памятниках (зольник у сел. Курчалой, поселений Хиндой, Новолакское, Нижняя Сигитма, культурные слои в Капчугае). Изредка подобной формы сосуды встречаются и среди могильного инвентаря (Харачой – погребение 35, Ишхой-Юрт, Тарки 2 и др.; табл. 108, 4–9). Эта керамика почти лишена декора (Смирнов К.Ф., 1951. С. 249, 252. Рис. 12, 8, 9; Круглов А.П., 1958. С. 110,

131. Рис. 32, 4; Марковин В.И., 1963б. С. 65, 67. Рис. 23, 16).

6-й тип посуды (в работе В.И. Марковина 7-й тип, у В.Г. Котовича лишь упоминается) – в основном миски и чаши конической формы (дно узкое, устье широко развернуто), с почти не выделенной шейкой. Таковы сосуды из поселения близ сел. Анди, из могильников у селений Тарки, Мамай-Кутан, Берекей, Тахиркала, Мискинбулак и др. (Крупнов Е.И., 1951. С. 213. Рис. 5, 2; Смирнов К.Ф., 1951. С. 249. Рис. 12, 10; Круглов А.П., 1958. С. 94, 95. Рис. 19, 2; Марковин В.И., 1969а. С. 58, Рис. 25, 1–8; Котович В.М., 1978. С. 89. Рис. 4, 2; Магомедов А.Р., 1980. С. 54, 55. Рис. IV, 5). Особенно много их найдено в Каякентском могильнике (погребения 9, 11, 13, 16, 17 и др.; табл. 108, 10–12, 16, 17). Здесь почти не было могил, на дне которых не лежала бы “плошка” (ОАК за 1898 г. С. 145 и след.). Вероятно, такое обилие чашек и дало повод В.Г. Котовичу говорить о них как о посуде, “представленной только в каякентской группе могильников” (Котович В.Г., 1978б. С. 60). Сосуды данного могильника орнаментированы резным узором.

Таковы основные типы керамики, характерной для каякентско-харачоевских памятников. Несмотря на своеобразие ее форм и декора, появление этой посуды было подготовлено всем предшествующим развитием местной керамики. Уже в памятниках ранней и развитой бронзы встречалась керамика, покрытая обмазкой. Формы описанной посуды (с узким дном и устьем-раструбом, биконические и баночные сосуды, чаши пр.) также появляются в предшествующее время (Каякентское, Великентское, Верхнегунибское и другие поселения, могильники Карабудахкент II, Гоно, Гатын-Кале, Гиччи, Бельты 2 и др.). Даже декор в виде налпных валиков, резного узора, выпуклых рожек, трезубцев, “буквы М” и пр. известен на посуде более раннего времени (курганы у ст. Манас, поселение Каякент, нижние слои Курчалоя, могильник Нохла-ад у Чоха и др.). Таким образом, керамические находки лишний раз подчеркивают связь каякентско-харачоевских памятников с предшествующими этапами эпохи бронзы (Котович В.М., 1965. С. 199, 200; Марковин В.И., 1969а. С. 51, 54, 55, 57, 59; 1963а. С. 119–121; Гаджиев М.Г., 1969а. С. 128–130; Котович В.Г., 1978а. С. 73; 1982. С. 57–59).

Для культуры в целом более всего характерны

сосуды 1-го типа. Их форму можно считать руководящей. Затем следует посуда 3-го и 5-го типов. Интересно, что к разным районам Северо-Восточного Кавказа приурочена керамика с преобладанием определенных орнаментальных элементов. Так, на территории Восточной Чечни это в основном налепные валики; для большей части Дагестана (до условной границы Избербаш–Учавлах–Урма) – сочетание налепных валиков и прочерченного узора, южнее чаще всего встречается керамика с прочерченным узором и отдельными налепами (исключение составляют район Дагестанские Огни–Маджалис; местные памятники содержат керамику с налепными валиками).

Помимо посуды, среди изделий из глины можно еще отметить предмет в виде катушки (табл. 108, 14), найденный в гробнице могильника Тарки II (Смирнов К.Ф., 1951. С. 245, 253. Рис. 13, 8). Модель колеса из Капчугая (Марковин В.И., 1954. С. 329. Рис. 46) и пряслица из Курчалоя (Марковин В.И., 1969а. С. 60, 61. Рис. 26, 3, 4; табл. 108, 13, 15).

Металлические изделия в памятниках культуры встречаются редко. Это оружие, орудия труда и украшения. К сожалению, пробы металла предметов почти не производились. Исследования находок Харачоевского могильника показали, что многие вещи сделаны из бронзы со следами олова, хотя в браслетах оно не отмечено (Круглов А.П., 1958. С. 79, 80. Табл. 4), но металлические находки из Курчалоевского зольника (раскопки В.И. Марковина) оказались изготовленными по старой рецептуре – из мышьяковистой бронзы (анализы Е.Н. Черных, 1965 г.). Как видно, за время существования культуры происходило изменение в составе бронзовых сплавов – переход от мышьяковистой бронзы к оловянистой (Черных Е.Н., 1966. С. 92. Рис. 26).

Уже давно было обращено внимание на то, что в составе погребальных памятников культуры почти отсутствует вооружение (Круглов А.П., 1958. С. 78). Подобных находок зафиксировано немного: 1) медный(?) наконечник стрелы листовидной формы с плоским широким черешком (длина 6,9 см); погребение 3 могильника у сел. Берикей (Круглов А.П., 1958. С. 73, 144); 2) “наконечник бронзового втульчатого копья” или “медный копьевидный нож” (длина 17 см); найден М.И. Исаковым в Таркинском могильнике (Исаков М.И., 1957. С. 131; Крупнов Е.И., 1951б. С. 210, 222); 3) бронзовый

Таблица 108. Керамика каякентско-харачоевской культуры из Дагестана (3, 4, 6–8, 10–12, 14–17, 19–26, 29) и Чечни (1, 2, 5, 9, 13, 18, 27, 28)

1 – сел. Белгагой, погребение 6 (работа А.В. Мачинского); 2, 9, 18, 27, 28 – сел. Харачой, погребения 7, 8, 35, 18, 34 и 20 (работы А.П. Круглова); 3 – сел. Мамай-Кутан (работы В.Г. Котовича); 4, 7, 14 – сел. Тарки, могильник 2; 5 – район г. Грозного; 6 – сел. Кабарты-Кутан; 8, 26 – пос. Тарки, могильник 1, погребение 16 и 39; 10–12, 16, 17 – сел. Каякент, погребения 31, 13, 16, 9, 17 (работы В.И. Долбежева);

13 – сел. Курчалой, зольник; 15 – урочище Капчугай; 19, 25 – окрестности Махачкалы; 20 – Кичи-Гамри, ящик 1; 21 – урочище Ачису; 22, 29 – сел. Старый Чиркей, Бураганшоб (работы Н.Д. Путинцевой); 23 – курорт Талги, погребение 3 (работы М.И. Исакова); 24 – гора Тарки-Тай; 4, 7, 8, 14, 21, 26 – работы К.Ф. Смирнова; 6, 20 – работы М.И. Пикуль; 13, 15, 24 – работы В.И. Марковина

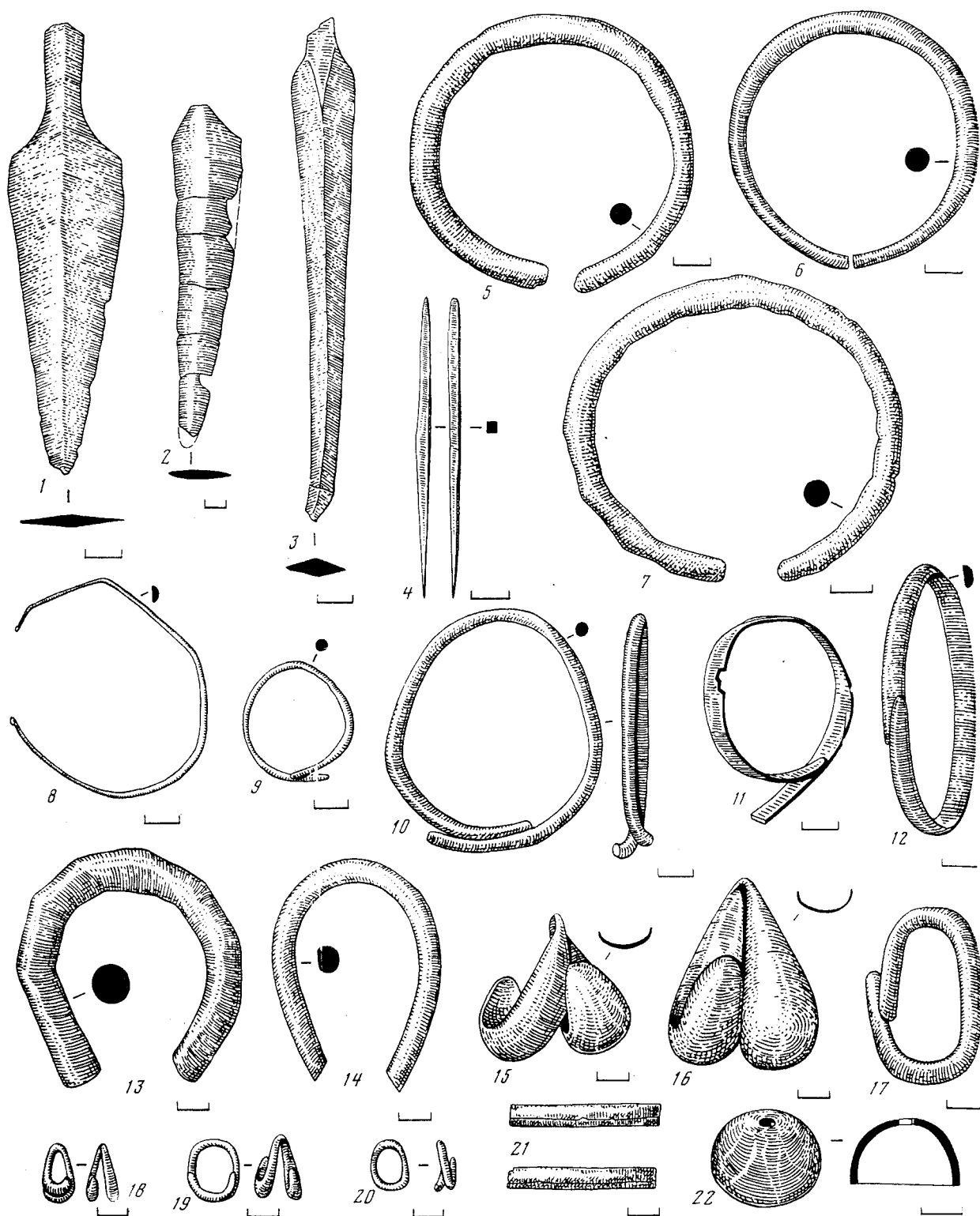

Таблица 109. Каякентско-харачоевская культура.

Бронзовые предметы из Дагестана (1-5, 7-10, 12-14, 20, 22) и Чечни (6, 11, 15, 18, 19, 21)

1 - сел. Тарки, каменный ящик; 2, 3, 13, 20 - курорт Талги, погребения 1 и 6; 4, 8 - сел. Тарки, могильник 2; 5 - сел. Каякент; 6, 11, 15, 18, 19, 21 - сел. Харачой, погребения 2, 46, 5, 16; 7, 22 - сел. Новый Чиркей, овраг Ачи; 9 - сел. Учавлах; 10, 14 - ст. Манас, погребение 1 кургана 1; 12 - сел. Маджалис; 16 - г. Буйнакс, могила XXVI-?;

17 - сел. Кабаргы-Кутан; 1 - работы В.И. Марковина; 2, 3, 9, 13, 20 - работы М.И. Исакова; 4, 8, 10, 14 - работы К.Ф. Смирнова; 7, 22 - работы Н.Д. Путинцевой; 12 - работы Б.Е. Дегена; 16 - работы Ф.А. Афанасьева; 17 - работы М.И. Пикуль

листовидный нож (длина 12,6 см, ширина 3,3 см; табл. 109, 1); найден в ящике у сел. Тарки (Смирнов К.Ф., 1951. С. 242, 255. Рис. 14, 4; Марковин В.И., 1969а. С. 60, 61. Рис. 26, 7); 4) бронзовый нож-кинжал (длина 17 см; табл. 109, 2); Талгинский могильник, погребение 1 (Исаков М.И., 1957. С. 126, 128. Рис. 53, 1; Марковин В.И., 1969а. С. 60, 61. Рис. 26, 6; Котович В.Г., 1978б. С. 62. Рис. 2, 10); 5) бронзовый “копьевидный нож с продольным ребром” (длина 15 см; табл. 109, 3), Талгинский могильник, погребение 6 (Исаков М.И., 1957. С. 129, 130; 1966. С. 33, 34. № 434. Табл. 4, 5); 6) бронзовый листовидный нож с черенком; обнаружен в ящике у сел. Кафыркумук (Котович В.Г., 1978б. С. 69. Рис. 2, 7). Имеются еще неясные сведения о находке “бронзового копья” в местности Хаченег у сел. Левашы (Марковин В.И., 1969а. С. 62).

Среди орудий труда можно отметить два бронзовых шила четырехгранной формы с приостренными концами (длина до 8,5 см; табл. 108, 4, найдены в разрушенных ящиках у сел. Тарки (Марковин В.И., 1969а. С. 60, 62. Рис. 26, 5).

В каякентско-харачовских погребениях преобладают находки металлических украшений (браслеты, налобные ленты, различные подвески). Браслеты характерны для женских захоронений. Однако в могильнике Тарки II на костях левой руки мужского скелета были обнаружены три браслета (Смирнов К.Ф., 1951. С. 241, 242, 253. Рис. 9, 1; 13, 1). В Харачое (погребение 46) на руках мужского костяка также находилось по браслету (Круглов А.П., 1958. С. 71, 137. Рис. 62, 10, 11). Наиболее распространенным – первым типом являются массивные браслеты, согнутые в виде овального или круглого кольца (величина 8 × 7 и 7 × 7 см; табл. 109, 5–7). Концы у них сближены и слегка приострены или ровно обрезаны (Тарки, Харачой – погребения 2, 5, 16, 27, 29, овраг Ачи у селений Чиркей, Каякент, Мамай-Кутан, Миатлы, хуг. Тахиркала). Сечение прута круглое, овальное или подтреугольное (Крупнов Е.И., 1940. Табл. 1, 1; Смирнов К.Ф., 1951. С. 102, 253, 255. Рис. 13, 1, 4; 14, 1, 2; Круглов А.П., 1958. С. 114, 121–123. Рис. 47, 9, 10; Котович В.Г., 1959. С. 137. Табл. VI, 1; Марковин В.И., 1969а. С. 22, 63, 64. Рис. 5, 11, 12; 27, 1–6; Магомедов А.Р., 1980. С. 56, 57. Рис. 5, 5). Данный тип браслетов впервые был выделен К.Ф. Смирновым (Смирнов К.Ф., 1951. С. 252).

Браслеты второго типа сделаны из проволоки неравномерной проковки. Свернуты они не аккуратно, один или оба конца заострены, но не сомкнуты (табл. 109, 8). Такие браслеты найдены в могильниках у селений Тарки, Каякент (погребение 17), у курорта Талги, Мискинбулаке (Крупнов Е.И., 1951б. С. 215; Смирнов К.Ф., 1951. С. 252, 253. Рис. 13, 1; ОАК за 1898 г. С. 150; Исаков М.И., 1959. С. 128, Рис. 53, 3; Котович В.М., 1978. С. 91. Рис. 3, 54, 55).

*Предметы 1, 2 утеряны.

Третий тип браслетов – это кольца неправильной формы с заходящими концами, из проволоки круглого сечения (табл. 109, 9, 10). Известны по находкам в Маджалисе, Учавлахе, Манасе (курган 1, погребение 1), Бураганшоб у Старого Чиркея (А.П. Круглов, 1958. С. 146; Исаков М.И., 1959. С. 218, 219, 231, № 27. Табл. III, 2; Путинцева Н.Д., 1959. С. 15, 16. Табл. XVII, 2, 4; Марковин В.И., 1969а. С. 63, 54. Рис. 27, 10, 12).

Четвертый тип браслетов – тонкие полосы металла с заходящими друг за друга концами (табл. 109, 11). Лучше всего представлены в Харачовском могильнике (Круглов А.П., 1958. С. 137, 138. Рис. 62, 10, 11).

Пятый тип браслетов – довольно толстые полосы бронзы овального и подтреугольного сечения с расплюснутыми и закругленными концами. Концы заходят друг за друга (табл. 109, 12). Найдены в Дарго, Маджалисе, Миатлы (погребение 1 кургана XI группы), Кабарты-Кутане (Круглов А.П., 1958. С. 71, 100, 146; Костюченко И.П., 1959. С. 18. Рис. 23, 1; Пикуль М.И., 1959. С. 158. Рис. 2, 1).

Шестой тип браслетов представляет собой массивные стержни (толщиной до 1 см), изогнутые в виде подковы (табл. 109, 13, 14). Подобные браслеты, правда несколько более широкие, А.А. Иессен считал ножными (Иессен А.А., 1935в. С. 158. Рис. 26, 2). В описываемых памятниках они встречаются редко. Найдены в Кафыркумухе (Государственный музей Грузии, № 143-13; Марковин В.И., 1969а. С. 64, 65, Рис. 28, 2, 3), Манасе (курган 1, погребение 1), Талги (Смирнов К.Ф., 1951. С. 252; Исаков М.И., 1957. С. 126, 128. Рис. 53, 2), Мискинбулаке и Инче (Котович В.М., 1978. С. 89, 97, 98. Рис. 3, 53, 56; 6, 7).

Среди других украшений следует отметить перстные кольца с несомкнутыми концами и в виде спиралек (могильники Тарки II, Учавлах, Каякент – погребения 20, 31, 32). Более массовыми являются находки височных подвесок (привесок). Это своеобразные прототипы серег. Они характерны для женских захоронений (при мужском скелете найдены в могильнике Тарки II). Очевидно, подвески нашивались к головному убору (волосному мешку) у виска. В каякентско-харачовских памятниках они встречаются в виде круглых и овальных колечек с разведенными в разные стороны концами. Сделаны из бронзового прута (до 3 см в высоту; табл. 109, 18–20). Такие подвески известны на Кавказе с III тысячелетия до н.э. В памятниках описываемого круга известных среди находок из Харачоя (погребения 2, 16, 22, 44). Тарки II, Талги (погребение 1), Каякента (погребение 11), Кабарты-Кутана и др. (Смирнов К.Ф., 1951. С. 252, 253. Рис. 13, 2; Исаков М.И., 1957. С. 252, 253. Рис. 13, 2; Круглов А.П., 1958. С. 103 и след.; Рис. 25, 3, 4; Пикуль М.И., 1959. Рис. 22. ОАК за 1898 г. С. 147). В Мискинбулакском могильнике височные подвески круглой и овальной формы встречались в связках – соединенными по семь штук вместе. Там же был

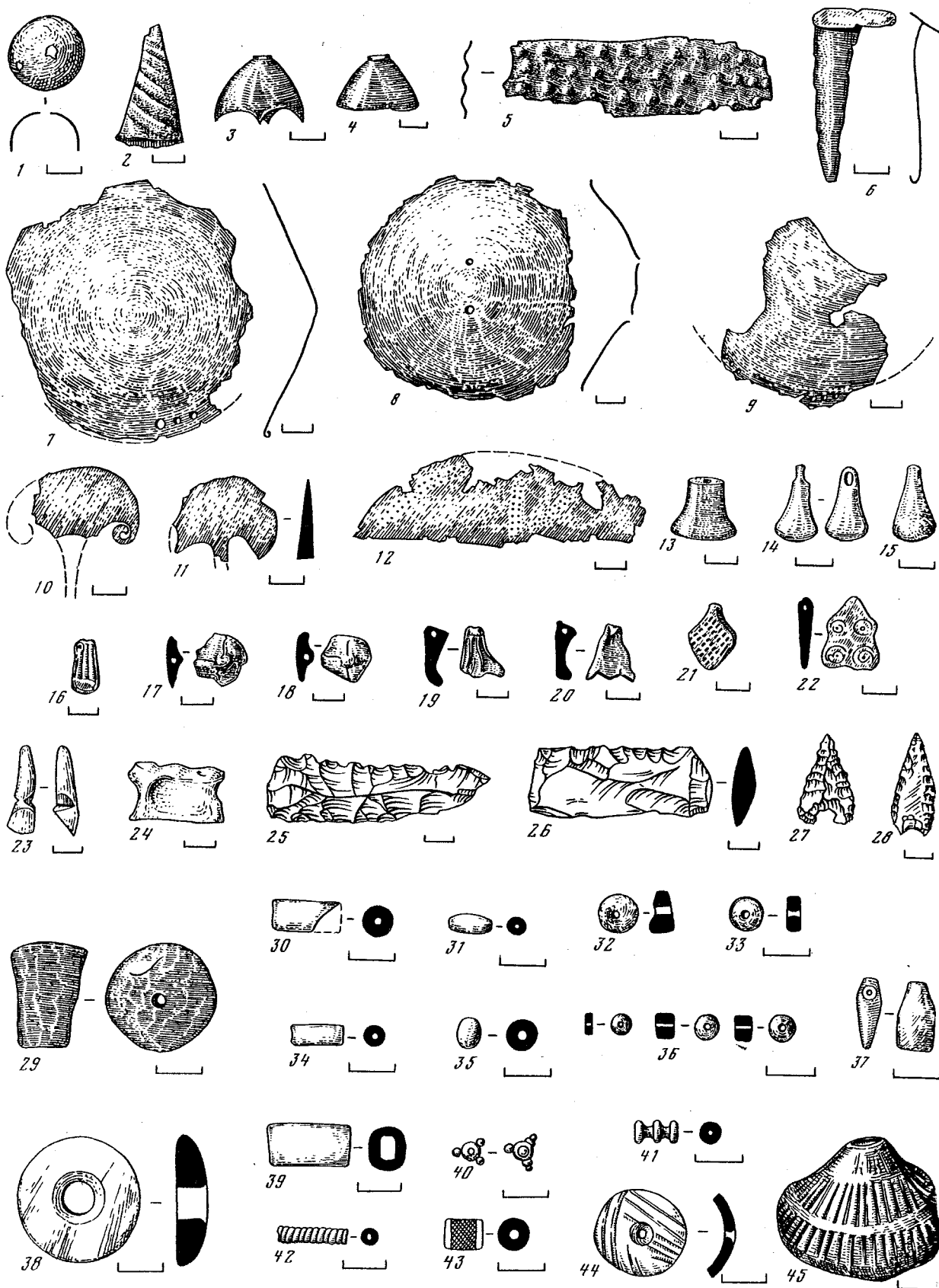

Таблица 110. Каякентско-харачоевская культура

Предметы из бронзы (1–15), сурьмы (16–20), кости (23, 24), кремня (25–28), сердолика (29–35), гагата (36, 38), янтаря (37), стеклянной пасты (39–43) и морских раковин (44, 45), найденные в Чечне (1–4, 17–20, 22, 25, 26, 30, 31, 33, 35–37, 41, 44, 45) и Дагестане (5–16, 21, 23, 24, 27–29, 32, 34, 38–40, 42, 43). 2 – сел. Ведено; 3, 4, 17–20, 22, 30, 31, 35–37, 41 – сел. Харачой, погребения 2, 27, 5 и 29; 5, 6, 14 – сел. Тарки, могильник II; 7, 11, 15, 38 – курорт Талги, погребения 6, 1, 12; 9 – из района сел. Тарки; 9, 21, 40 – сел. Каякент, погребения 17, 18 и 2; 10 – сел. Маджалис; 12, 13, 23, 24, 39, 42, 43 – сел. Тарки,

могильник 1, погребения 37, 35, 3 и 1, а также из засыпки; 25, 26, 44, 45 – сел. Курчалой, зольник; 27 – сел. Старый Чиркей, Бураганшоб; 28 – сел. Карабудахкент, поселение; 29 – сел. Кафыркумук; 32 – сел. Новый Чиркей, овраг Ачи; 34 – гора Таркитау, каменный ящик; 1, 2 – коллекция Н.В. Орла; 3, 4, 10, 17–20, 22, 30, 31, 35–37, 41 – работы А.П. Круглова; 5, 6, 12–14, 23, 24, 39, 42, 43 – работы К.Ф. Смирнова; 7, 11, 15, 38 – работы И.М. Исакова; 25, 26, 34, 44, 45 – работы В.И. Марковина; 27, 32 – работы Н.Д. Путинцевой; 28 – разведки М.Н. Погребовой и В.И. Марковина

найден особый вид подвесок “в виде округлого или подковообразного кольца с незамкнутыми концами, один из которых слегка раскован (Котович В.М., 1978. С. 90. Рис. 3, 44–46).

Более крупные пластинчатые подвески (до 7,5 см в высоту) имеют овальную форму. Лопастей у них сильно расширены и закруглены (табл. 109, 15, 16). Они встречаются очень часто и характерны для культуры в целом. Перечисление подобных находок в соответствующих могильниках заняло бы много места, и здесь мы его опускаем (Марковин В.И., 1969. С. 66, 67. Рис. 28. 8–11). В Кабарты-Кутане найдены массивные подвески (из прута толщиной до 0,6 см) почти подпрямоугольной формы (Пикуль М.И., 1959. С. 159. Рис. 2, 4). Такого рода украшения (табл. 109, 17) в противоположность предыдущим подвескам нехарактерны для культуры, но известны по памятникам типа Зандакского могильника (Марковин В.И., 1964. С. 85. Рис. 24, 8).

Головной убор женщин украшали также специальные носные трубочки, полушарные и конусовидные колпачки (табл. 109, 21, 22; 6, 1–4). Детальное описание их дано А.П. Кругловым, а список подобных находок приведен В.И. Марковинным. Здесь же следует сказать, что подобные украшения можно считать типичными для каякентско-харачоевской культуры (Круглов А.П., 1958. С. 66–68; Марковин В.И., 1969а. С. 67; Котович В.Г., 1982. С. 62).

Из бронзы делали также налобные бляхи и ленты. Такие находки сделаны в могильниках у курорта Талги, селений Нижний Дженгутай, Кичи-Гамри, Каякент (бляхи), Гюхрак (бляха) и Тарки (бляха и лента). Эти предметы иногда украшены пунсонным (выбитым) орнаментом и имеют отверстия для пришивания (табл. 110, 5, 7, 8, 12) (Крупнов Е.И., 1940. С. 12; Смирнов К.Ф., 1951. С. 238, 249, 252. Рис. 12, 11; 13, 7; ОАК за 1898 г. С. 150; Пикуль М.И., 1953. С. 109, 112; Маммаев М.М., 1989. С. 20, 179. Рис. 6; Давудов О.М., Хангишиев Г.Д., 1991. С. 53. Рис. 4, 2). Фрагментированность этих блях дала повод думать, что некоторые из них могли быть навершиями булавок (Котович В.Г., 1978б. С. 64). Это требует проверки. Настоящие булавки, служившие для скрепления одежды и состоявшие из закругленного волнообразного навершия и иглы, известны, к сожалению, только в обломках

(Талги, Кафыркумук, Маджалис, Тарнаир – теперь в пределах г. Махачкалы). Они миниатюрны (табл. 110, 10, 11) и этим отличаются от более ранних находок (Марковин В.И., 1969а. С. 69). Вероятно, застегивающей служила бронзовая пластинка, снабженная крючком (табл. 110, 6). Она была найдена в гробнице могильника Тарки II (Смирнов К.Ф., 1951. С. 253. Рис. 6). В Мискинбулаке обнаружены небольшие круглые бляшки с перемычкой на обороте, служившие пуговицами (Котович В.М., 1978. С. 12. Рис. 3, 30, 39). Единичной является находка ворварки (табл. 110, 13) из погребения 35 могильника Тарки I* (Смирнов К.Ф., 1951. С. 249. Рис. 12, 5).

Среди металлических находок следует упомянуть бронзовые бусы и каплевидные подвески (Тарки II, Талги, Мискинбулак, Капчугай; табл. 110, 14, 15; Марковин В.И., 1969а. С. 68; Котович В.М., 1978. С. 82. Рис. 3, 21), а также изделия из сурьмы. Они могли нашиваться на одежду и служить украшениями: бусами, пронизками, подвесками. Вероятно, они отливались на месте, для чего использовались месторождения сурьмяного блеска – антимонита (стибинита). Бусы-пронизки имеют форму кружочков, цилиндров, четырехгранников и пятигранников. Среди подвесок можно видеть ромбы с решетчатым узором, кружки с выпуклым перекрестием, волнотные и “лапчатые” отливки (табл. 110, 16–22). Подобные находки сделаны в Харачое (погребения 2, 12, 25, 29), Ведено, Миатлы, Мамай-Кутане, Буйнакске, Каякенте. Эти предметы опять-таки характерны для каякентско-харачоевской культуры (Марковин В.И., 1969а. С. 69, 70).

Изделия из кости в памятниках культуры редки. Это амулеты из зубов свиньи и овцы (табл. 110, 23), обнаруженные в ящиках у сел. Старый Чиркей, в Харачое (погребения 17 и 31) и Тарки I (раскоп 1949 г., кв. 6б; работы К.Ф. Смирнова); игральные кости (альчики) – овечьи астрагалы, также иногда находимые в могилах (Тарки I, Харачой и др.; табл. 110, 24). Однако, несомненно, костяные орудия (особенно шилья-проколки) широко использовались в быту. Так, в культурном слое у скалы с наскальными изображениями в Капчугайском

* Могильник Тарки I в литературе более известен как Таркинский могильник.

ущелье (бассейн р. Шураозень, увал б) были найдены подобные приостренные кости (Марковин В.И., 1954. С. 328, 332. Рис. 4а, 16, 17). Целую серию таких проколов содержал зольник у сел. Курчалой в Чечне (Марковин В.И., 1969а. С. 70, 61. Рис. 31, 1–8). Судя по находкам, сделанным в этом же зольнике, из кости могли делать продолговатые пуговицы, ложила и пр.

Трудно сказать об объеме использования каменных изделий в быту. Подобные предметы встречаются далеко не часто. Первое место среди них занимают кремь. Это отдельные отщепы и осколки, встречаемые в могилах (к примеру, Харачой – погребения 8, 13, 16, 18, 19, 21, 26, 42, 46; Белгатой – погребение 6; см.: Круглов А.П., 1958. С. 97, 106, 110, 114 и др.), которые могли употребляться для высекания огня. Затем следует упомянуть выемчатые наконечники стрел, покрытые тонкой ретушью (табл. 110, 27, 28). Они найдены в ящике 3 у сел. Старый Чиркей (Путинцева Н.Д., 1959. С. 16), в Капчугае и Чиркутане возле скал с изображениями (Марковин В.И., 1954. С. 328, 333. Рис. 4а, 8, 23, 24, а также работы 1987 г.). В Таркинском могильнике в погребениях 7 и 39 были обнаружены каменные шары (диаметром до 5 см), которые могли употребляться для метания с помощью пращи (Смирнов К.Ф., 1951. С. 232, 240).

С памятниками каякентско-харачоевской культуры можно, вероятно, связывать отдельные находки кремневых вкладышей для серпов (табл. 110, 25, 26), зернотерки, терочки, точильные оселки и прочие каменные изделия, употреблявшиеся в быту (Марковин В.И., 1969а. С. 71–73. Рис. 32).

К изделиям из камня следует отнести многочисленные бусы, большей частью шаровидной и цилиндрической формы (табл. 110, 29–43). Они изготовлялись в основном из местных цветных камней – халцедонов, сердоликов, гагата (гишера), реже – из мрамора, кальцита, твердых метаморфических пород и привозного янтаря. Обычно местные бусы имеют двухстороннее сверление и довольно грубую обработку. Найдены во многих памятниках культуры (Марковин В.И., 1969а. С. 73–76. Рис. 33, 1–16). В состав ожерелий входили бусы, изготовленные из раковин морских (каспийских) моллюсков рода *Cardium* и *Didacna*. Они имеют дисковидную форму. Иногда среди бус нанизывали и продырявленные раковины (табл. 110, 44, 45). Такие находки сделаны в Харачое (погребения 2, 27, 31, 37, 38), Тарки, Миатлы, Берикее, Каякенте, Маджалисе (сводку см.: Марковин В.И., 1969а. С. 76).

Иногда среди каменных и раковинных бус встречаются импортные бусы и бисер, сделанные из стеклянной пасты разных тонов: белого, желтоватого, светло-зеленого, коричневого (табл. 110, 39–43). Это уплощенный бисер, цилиндрические бусы (иногда они покрыты штриховкой), рифленные шары и “рогатые” бусины (с выступами – “бородавками”). Многие захоронения культуры со-

держат подобные находки (Марковин В.И., 1969а. С. 76). Описанный материал является основным для суждения о жизни древнего населения Северо-Восточного Кавказа.

Обычно, когда пишут о каякентско-харачоевской культуре, то всю территорию Дагестана и Чечено-Ингушетии отводят под ее ареал (Крупнов Е.И., Магомедов Р.М. и др.). Это не отвечает действительным фактам. Пока памятники культуры почти неизвестны в горной части этих регионов, и только сам факт преемственной связи каякентско-харачоевских древностей с предшествующими фазами развития эпохи бронзы в местных условиях позволяет надеяться, что такие памятники еще будут обнаружены. Сейчас трудно детально очертить границы распространения каякентско-харачоевских памятников, особенно их северную часть. По этому поводу возникают порой разногласия. Например, такие пункты с интересующими нас находками, как Хиндой, Курчалой, Бачи-Юрт (в Чечне), В.А. Козенкова вводит в ареал кобанской культуры (Козенкова В.И., 1977. С. 8, 52, 53, 61. Рис. 1), хотя в первых названных пунктах найдена керамика, характерная для каякентско-харачоевской культуры и более раннего времени при полном отсутствии здесь типичного для Кобани металла и керамики (Марковин В.И., 1963б. С. 64–67; 1966. С. 124, 125. Рис. 3, 1; 1969а. С. 17, 43. Рис. 3, 5; 16, 2–5). В Бачи-Юрте действительно был найден комплекс кобанских вещей, но в целом в районе этого села известны пока что памятники опять-таки каякентско-харачоевского облика. Этого мнения придерживаются многие специалисты (Мунчаев Р.М., 1961. С. 60, 62; Виноградов В.Б., 1972. С. 254; Ошаев М.Х., 1979. С. 50 и след.).

Таким образом, четкое определение границы культуры в пределах Чечни – дело будущего. Однако эту границу лишь приблизительно можно наметить по линии, идущей от сел. Дуба-Юрт на р. Аргун (Круглов А.П., 1938. С. 5) к селениям Курчалой и Ишхой-Юрт (здесь обнаружены могильники). Далее к пос. Верхний Чирюрт и г. Хасавюрт, затем к г. Махачкале, выше которого памятники культуры мало известны (отдельные находки у ст. Алмало) (Марковин В.И., 1963б. С. 64–67; 1969а. С. 16, 78. Рис. 2). Южная граница культуры также довольно условна. За г. Дербентом ее памятники почти неизвестны, однако за р. Самур, уже в пределах Закавказья, сделаны отдельные находки, имеющие поразительное сходство с описанными. Таков сосуд, найденный в Лагодехи и обладающий “сходными чертами с каякентской посудой”, такова также керамика из гробниц открытых у селений Шулух, Пендбад и Баду (Крупнов Е.И., 1940. С. 17). Сосуд каякентско-харачоевского типа с широким развернутым устьем и маленьким дном был обнаружен у ст. Хачмас (Александрович-Насыфи Дж., 1929. С. 262–265. Рис. 14, 15), подобного типа керамические обломки известны и из поселения Ибрагим-Халилтепе в Кубин-

ском районе Азербайджана (Нариманов И., Шахвердиев И., 1965. С. 93) и с территории Апшеронского полуострова – возле селений Шувеланы и Мардакяны (Асланов Г.М., 1965. С. 85; Джафарзаде И.М., 1948. С. 90, 91). Отмеченное сходство не ограничивается только одной керамикой. Оно прослеживается и в стиле отдельных групп наскальных рисунков и некоторых сурьмяных и бронзовых изделиях (Крупнов Е.И., 1940. С. 10; Марковин В.И., 1969а. С. 97, 98). Вероятно, сейчас не стоит доводить границы каякентско-харачоевской культуры до Апшерона, но, наверное, не следует также думать, что южные границы культуры четко укладывались в современные пределы Дагестана, не выходя на правый берег р. Самур. Они могли занимать отдельные отроги закавказских нагорий и плоскость, близко подходящую к бассейну р. Самур (карта 7).

Выше уже говорилось о тесной связи каякентско-харачоевской культуры с предшествующим временем. В настоящее время в науке нет иных мнений, а раз данный факт считается доказанным, то возникает необходимость хронологической связки времени бытования данной культуры с более ранними этапами. К сожалению, сделать это не так просто (Марковин В.И., 1982б. С. 12, 13).

Если вспомнить датировки, предложенные для таких ярких, но более древних памятников, как Гинчи и Гатын-Кале (см. предыдущую главу), то станет ясно, что даже для них нет четких дат. М.Г. Гаджиев датировал Гинчи в 1969 г. временем не позже конца первой четверти II тысячелетия до н.э. до XII в. до н.э.” (Гаджиев М.Г., 1969а. С. 155); в 1974 г. он доводил его функционирование до “второй половины II тысячелетия до н.э.”, а далее как замечает М.Г. Гаджиев, “была распространена каякентско-харачоевская культура” (Гаджиев М.Г., 1974а. С. 28). Могильник Гатын-Кале В.И. Марковин датировал в 1963 г. приблизительно от 1700 г. до н.э. до 1400 г. до н.э. (Марковин В.И., 1963а. С. 133). Сейчас эти даты в связи с общей тенденцией к удревнению эпохи бронзы Кавказа можно было бы немного углубить. А ведь оба упоминавшихся могильника предшествуют каякентско-харачоевской культуре и связаны с нею, судя по обнаруженному в них материалу.

Напомним те даты, которые относительно недавно были предложены В.Г. Котовичем для древностей каякентско-харачоевского круга. Памятники предшествующего времени (“гинчинско-гатын-калинского этапа”) он вслед за М.Г. Гаджиевым датирует “первой половиной II тысячелетия до н.э.”; памятники собственно каякентско-харачоевского типа – “третьей четвертью II тысячелетия до н.э.”, а древности последующего времени (“талгинского этапа”) – “последней четвертью II тысячелетия до н.э.” (Котович В.Г., 1978б. С. 74). Помимо этого, им же предложен и еще один наиболее поздний этап (“зандакско-мугерганский”), относимый к

1000–750 гг. до н.э. (Котович В.Г., 1978б. С. 62. Рис. 2, таблица)*.

Несколько позже некоторые отмеченные датировки были еще раз уточнены В.Г. Котовичем совместно с О.М. Давудовым. Прежде всего названия этапов заменены литературными обозначениями. Это этап ПБИ (поздняя бронза I, бывший “талгинский этап”), датируемый XIV–XIII вв. до н.э. Его характеризуют могильники Талгинский, Кабартыкутан, Мискинбулак и др.; затем ПБП – XII–X вв. до н.э. К этому этапу относится Мугерганский и другие могильники. Далее следует этап РЖИ (раннее железо I – IX – первая половина VII в. до н.э.), уже выходящий за рамки описываемого нами времени (Котович В.Г., Давудов О.М., 1980. С. 41 и след.; см. также: Котович В.Г., 1982. С. 69–104)**.

Как видим, несмотря на значительные усилия привести хронологию памятников Северо-Восточного Кавказа в какую-то систему, она пока еще находится в стадии разработки. Поэтому здесь будет дана периодизация культуры в самом предварительном плане, но с учетом уже сделанного специализации.

Четкое членение культуры затруднительно хотя бы в силу того, что ранний этап ее развития “восходит к местной культуре предшествующего времени” (Иессен А.А., 1956. С. 15). Иначе говоря, носители ее являются “далекими потомками” более ранних фаз эпохи бронзы и энеолита (Федоров Я.А., 1960. С. 21–23; 1961. С. 4). Подобные высказывания вполне справедливы. Почти все памятники, рассмотренные в предыдущей главе (Гоно, Миятлы, Гатын-Кале, Верхний Гуниб и др.) содержат такие материалы, без учета которых нельзя представить развитие и каякентско-харачоевской культуры. На плавное, постепенное возникновение черт, характеризующих ее, указывает и Курчалоевский зольник (Марковин В.И., 1969а. С. 79). Показателен в этом отношении анализ каякентско-харачоевской керамики, предпринятый В.Г. Котовичем. Лишь на “талгинском этапе”, по его мнению, нарушается непрерывная линия развития керамических форм и ornamentации (Котович В.Г., 1978б; 1982. С. 57, 58, 59–61. Рис. 1). Мы бы продлили эту “линию” и к более позднему времени, так как “разрыв”, о котором пишет В.Г. Котович, не столь уж сильно ощутим. Но в данном случае важен сам факт преемственной связи с более древним периодом. Однако это же обстоятельство позволяет считать, что первый этап культуры пока не

* Название этапа не очень удачно, тем более что О.М. Давудовым сделана попытка выделить две культуры с подобным наименованием: “зандакскую” и “мугерганскую” (Давудов О.М., 1974). По отношению к глубинным дагестанским памятникам применение термина “зандак” странно, так как Зандакский могильник содержал инвентарь с кобанскими чертами, совершенно не характерными для местного археологического материала. Это верно только для пограничных районов.

** В монографии, изданной в 1982 г., В.Г. Котович использует и эпонимные, и литературные названия этапов.

может быть абсолютно четко ограничен. Датируя его примерно от 1600 до конца 1500 г. до н.э. (с учетом разработок В.Г. Котовича, О.М. Давудова, М.Х. Ошаева и др.), мы не будем особенно не правы, тем более что на этом этапе только появляются “отличительные, этнодифференцирующие” черты культуры (Марковин В.И., 1969а. С. 80, 81; Котович В.Г., 1978б. С. 73; 1982. С. 69). К этому условному этапу опять-таки в самом предварительном плане можно отнести следующие памятники: отдельные погребения могильников 2 и 4 у сел. Бачи-Юрт, средние (условно) слои зольника в Курчалое. Карабухкентское поселение, Согунты, Гуни, Ведено (отдельные находки), Андийское селище.

Второй этап – время расцвета всех характерных черт культуры. Именно этот этап В.Г. Котович и называл собственно “кайкентско-харачоевским” (Котович В.Г., 1978б. С. 72). Датировка его, предложенная указанным исследователем, кажется нам чрезмерно удрежденной, тем более что многие из предметов, встречаемых в соответствующих комплексах (листовидные ножи, височные подвески, булавки), имели длительное бытование и встречались не только в северо-восточной части Кавказа. Другие типичные для культуры, в первую очередь сурьмяные изделия, возникли, по мнению В.Г. Котовича, как подражания северокавказским украшениям. Вероятно, в таком случае украшения из сурьмы не могли появиться тут же вслед за северокавказскими изделиями из бронзы, а с некоторым опозданием, когда их прототипы были уже широко распространены. Этот факт следует учитывать, если говорить о подражании. Однако раннее появление бронзовых колпачков, раскованных и широких височных подвесок, характерных для культуры, но известных по таким ранним памятникам, как могильники в сел. Чох (Мунчаев Р.М., 1954. С. 44–47. Рис. 11), Гинчи и Гатын-Кале, позволяет датировать этот этап более ранним временем, чем это делали раньше К.Ф. Смирнов, В.И. Марковин и др.

Дата второго этапа с учетом некоторых поправок В.Г. Котовича представляется примерно такой: от конца 1500 до 1250 г. до н.э. К тому времени можно отнести многие основные памятники культуры: Харачой, Каякент, Тарки, Берекей, Мамайкаутан, Маджалис, Казмаляр (Новый Дейбук), район Махачкалы (Тарнаир), Ишхой-Юрт, Дарго, Белгатой, Капчугай, Хиндой, Миатлы, Гагатль, Старый и Новый Чиркей, Нижняя Сигитма (поселение), Новолакск (поселение) и др.

Третий этап – время заката культуры. Это, по В.Г. Котовичу, “талгинский” и “зандакский” этапы. Представляется, что данный этап неотделим от предшествующего времени. В недрах его происходит затухание ярких черт культуры. Так, крупнолопастные подвески почти исчезают, огрубляются волюты булавок, обмазка на керамике приобретает порой декоративный характер. Дата этого этапа довольно хорошо обоснована В.Г. Кото-

вичем – от 1250 и почти до 1000 г. до н.э. (Котович В.Г., 1978б. С. 59–74. Рис. 1, 2; 1982. С. 117). К такой датировке как ориентировочной разработке вполне можно присоединиться. Конечно, дальнейшие исследования уточнят ее, как и все предыдущие даты.

К данному этапу можно отнести памятники Талги, Мискинбулак (Котович В.М., 1978б. С. 79–93. Рис. 1–4), Кабарты-Кутан, Нютюг, Гюхрак (Давудов О.М., Хангишиев Г.Д., 1991. С. 49–60) и др. Зандак как памятник переходного времени от эпохи бронзы к эпохе железа, содержащий определенные черты кобанской культуры, мы не считаем возможным рассматривать в качестве характерного для каякентско-харачоевской культуры. Его материалы носят узколокальный характер и, возможно, могут рассматриваться как особая культура, ареал которой занимал небольшой участок между племенной территорией двух культур – затухающей каякентско-харачоевской и крепнущей кобанской.

Таким образом, каякентско-харачоевская культура относится в основном к эпохе поздней бронзы. Однако и в начальных столетиях I тысячелетия до н.э. еще не угасают отдельные черты культуры. Они долго сохраняются в отдельных памятниках Северо-Восточного Кавказа (Зандак, Ажар, Мугерган и др.). В этом нужно усматривать не длительную “живучесть” культуры (Виноградов В.Б., 1972. С. 276 и след), а лишь стойкое сохранение ее отдельных черт в предметах быта и орнаментике у населения Северо-Восточного Кавказа в скифо-сарматское время и даже позднее (Марковин В.И., 1969а. С. 113, 114).

А.П. Круглов впервые сделал попытку выделить локальные особенности среди памятников культуры, наметив в ней два района: “западный” (для Чечни) и “восточный” (для Дагестана), хотя и не дал о них четкого определения (Круглов А.П., 1958. С. 52–59), Е.И. Крупнов считал вполне возможным утверждать только такую локализацию (Крупнов Е.И., 1951. С. 222). К.Ф. Смирнов, изучив материалы Таркинского могильника, рассматривал их как бы посредствующими между “западной” (харачоевской) и “восточной” (кайкентской) группами. Это давало ему возможность фактически говорить о трех группах (Смирнов К.Ф., 1951. С. 255–257).

В дальнейшем была сделана попытка разработать этот вопрос более полно – было обращено внимание на локальные различия в устройстве погребальных сооружений и сопутствующих им конструкций, на позы погребенных, размещение сосудов в могилах, особенности керамического декора. Все эти черты позволили нам наметить пять локальных районов (группировок), которые могли соответствовать отдельным племенным группировкам (Марковин В.И., 1969а. С. 85–87. Рис. 36 – карта).

Сам факт наличия отмеченных локальных

групп, в предшествующее время менее четко ощущаемых, позволяет говорить о памятниках каякентско-харачовского круга как об объектах особой специфической культуры. К тому же на позднем этапе в западных районах региона ее памятники стали соседствовать с кобанскими. Можно сделать вполне очевидный вывод, что носители раннего этапа кобанской культуры потеснили в то время некоторую часть каякентско-харачовского населения в горы. Поэтому трудно согласиться с учеными, рассматривающими эту культуру лишь как хронологический этап в развитии местных племен (Канивец В.И., 1959. С. 50, 51; Котович В.М., 1965. С. 249–252; Котович В.Г., 1978б. С. 72; 1982. С. 117, 118). Те данные, которые приводит В.Г. Котович в пользу осмысления культуры в качестве этапа, представляются требующими еще обоснования (Марковин В.И., 1969а. С. 88).

Древние племена – носители каякентско-харачовской культуры являлись земледельцами и скотоводами. Селились они на высоких речных террасах (Курчалой), в долинах между гор (Карабудахкентское поселение), на платовых поднятиях (Новолакское поселение) и по склонам гор (Анди, Хиндой). Поселения располагались на хорошо освещенных солнцем местах. Некоторое представление о таком поселении дают раскопки в Нижней Сигитме. Многокамерные жилые постройки воздвигались на каменном основании, верхняя часть их была глинобитной. Это были дома, имевшие до пяти помещений квадратной или округлой формы с площадью от 4–5 до 32 кв.м. Внутри них имелись очаги двух видов: расположенные на каменных настилах (они служили для хозяйственных целей), а также шестигранной формы (диаметром в 0,5–0,7 м), используемые, вероятно, для ритуальных церемоний. Полы в домах земляные, массивные двери поворачивались в пяточных камнях. Это были дома больших патриархальных семей (Канивец В.И., 1957. С. 159; Бредэ К.А., 1959. С. 25, 26; 1956. С. 102–114; 1957. С. 17–38).

Здесь следует снова вспомнить Верхнегунибское поселение, расположенное у сел. Гуниб (см. предыдущую главу). Верхний слой его В.М. Котович относит “к самому началу каякентско-харачовского этапа”, который датирует XIV–XIII вв. до н.э. (Котович В.М., 1963. С. 250). К тому времени поселение уже давно функционировало (с конца III тысячелетия до н.э.), его архитектурный облик устоялся; это были одноэтажные каменные дома, которые последовательно, ступенями возвышались друг над другом. Материалы интересующего нас слоя содержат до 61% керамических обломков, покрытых обмазкой (в нижнем слое их было всего 40%). Среди посуды преобладали горшки с сильно отвернутым краем, затем некрупные кувшины с четко выделенной шейкой и сосуды с резко обрешанным устьем (Котович В.М., 1965. С. 182, 183. Рис. 63), т.е. формы керамики, которые характерны для культуры. Как особый вид керамической

посуды В.М. Котович рассматривает “сковороды” – своеобразный вариант мисок с сильно утолщенным дном. Орнаментация верхнегунибской керамики данного слоя (Котович В.М., 1965. С. 185. Рис. 64) не отличается от описанной нами. Материалы Верхнегунибского поселения дают также возможность более полно представить хозяйственную деятельность древнего местного населения.

Занятия земледелием документируются находками кремневых вкладышей (Курчалой, Берикей, Новолакское поселение и др.), песта (Карабудахкентское поселение) и ступки для дробления зерна (Харачой). Аналогичные предметы обнаружены в Верхнем Гунибе. Вероятно, в эпоху бытования каякентско-харачовской культуры увеличилось количество террасовых полей, как и прежде, основными посевными культурами являлись голозерный ячмень и мягкая пшеница.

Большую роль в хозяйстве играло скотоводство. Подсчеты костных остатков с территории Нижне-Сигитминского поселения (площадь раскопа более 1200 кв.м) показали, что кости домашних животных здесь составляют 75,3%, диких – 24,7%. Среди домашних животных более половины их принадлежит крупному рогатому скоту, а затем мелкому (Котович В.Г., 1961. С. 291). Курчалоевский зольник также дал преобладающее количество костей крупного рогатого скота, далее свиней и овец. В Верхнем Гунибе, наоборот, заметно преобладание мелкого рогатого скота (до 61%) (Котович В.М., 1965. С. 217, 218). Как видно, направление скотоводческого хозяйства в разных зонах (в высокогорьях и в предгорных районах) было различным.

Приведенные данные свидетельствуют об оседлом быте. Для перевозок и различных поездок использовалась лошадь под седло и в упряжке. На одном наскальном рисунке в ущелье Капчугая изображен всадник. Под ним видны подушки седла (Марковин В.И., 1954. С. 332. Рис. 8). Наличие повозок документируется находками глиняных моделей колес (Капчугай, Курчалой и др.). Скорее всего, в натуре это были массивные деревянные изделия с мощной ступицей (табл. 108, 13, 15). В Берекее и возле Манас-аула обнаружены выбитые изображения арб-двуколок. Такого рода телеги наиболее удобны для использования в условиях гор. Они годились и для упряжки быков (табл. 106, 7, 9) (Круглов А.П., 1958. С. 144. Рис. 69; Марковин В.И., 1961а. С. 127, 130. Рис. 6; 1969а. С. 94. Рис. 39, 1).

В хозяйстве не последнее место занимала охота. Среди найденных на поселении Нижняя Сигитма костей животных 27% принадлежит представителям диких видов (олени, туры, серны, безоаровые козлы, кабаны, зайцы, лтицы и пр.) (Золотов К.Н., 1961. С. 291). О составе охотничьих объектов можно судить и по наскальным изображениям (табл. 106, 5, 6, 9, 11, 12), открытым в районе Капчугая, Сигитмы, Буглена, Экибулака, г. Буйнакск и горных районах Дагестана (в Чечне такие рисунки по-

ка не найдены). Всех отмеченных выше животных можно видеть и на древних гравировках, и в живописи. Охоту вели пешими и конными, используя луки (Канивец В.И., 1957. С. 160; Марковин В.И., 1959. С. 148 и след.; 1969а. С. 94. Рис. 39; 1990. С. 84–88; Котович В.М., 1969. С. 92. 93; 1974; Канивец В.И., Марковин В.И., 1977. С. 58–66).

В охоте и пастушестве, очевидно, большую помощь человеку оказывала собака. Кости ее найдены на Нижне-Сигитминском поселении, в Верхнем Гунибе и Талгинском могильнике (Исаков М.И., 1957. С. 130; Котович В.М., 1965. С. 217).

В приморских районах местные жители, как видно, занимались также рыбной ловлей. Кости рыбы обнаружены на многократно упоминавшемся Нижне-Сигитминском поселении. В золинике у сел. Курчалой, расположенном вдалеке от Каспия, обнаружены отдельные бляшки севрюги *Aeipenser stelatus* и позвонки сазана *Surpinus capris* (определения Е.А. Цепкина). Как видно, древние жители умели заготавливать рыбу впрок, что способствовало распространению рыбных продуктов на далекие расстояния от мест лова.

Не будем останавливаться здесь на таких чисто домашних производствах, как изготовление глиняной посуды, ткачество, шитье, они в определенной степени освещены в литературе (Котович В.М., 1965. С. 211 и след.; Марковин В.И., 1968. С. 96; Котович В.Г., 1982. С. 153 и след.).

Вполне возможно, что в эпоху ранней бронзы уже более интенсивно использовались местные рудные запасы, имеющиеся по Главному Кавказскому хребту (Котович В.М., 1965. С. 222 и след.), хотя в этом вопросе имеются неясности. Нами предполагалось, что металл могли привозить из хорошо известных в эпоху бронзы рудников Кедабека и Калакента в Закавказье (Марковин В.И., 1969а. С. 97–99. Рис. 40). Однако с абсолютной уверенностью можно говорить только о местной металлообработке с древнейших времен (Гаджиев М.Г., 1986б. С. 32 и след.). Набор таких бронзовых украшений, как трубочки, колпачки, крупные пластинчатые височные подвески, указывает на существование особых центров их производства. Они могли изготавливаться только в пределах культуры, так как за ее границами почти не встречаются. О том, что металл очень ценился, свидетельствует и редкость вооружения, украшений и вообще металлических изделий в могилах. Вместе с тем на территории Северо-Восточного Кавказа сделано много находок бронзового вооружения, связанного своим происхождением с Закавказьем (Марковин В.И., 1969а. С. 99–102).

Межплеменные связи, широкий обмен с соседями, документируемые археологическим материалом (находки предметов вооружения, различных бус, костей морских рыб, раковин морских моллюсков в горах и пр.), позволяють сделать вывод о высоком уровне жизни в среде племен – носителей каякентско-харачоевской культуры. Уже в эпоху

средней бронзы можно было говорить о патриархальных общественных отношениях. К концу эпохи бронзы, несомненно, они еще более окрепли. Поселения носили патронимический характер. Такого рода населенным пунктом являлась Нижняя Сигитма с большими домами, в которых могли жить разросшиеся семейства с “патриархом” во главе. Вероятно, и могильные памятники с четкими рядами захоронений отражают не только родовые, но и патронимические связи.

Памятники каякентско-харачоевской культуры с определенностью документируют существование самых различных верований, которые сейчас, к сожалению, не могут быть сведены в определенную систему. Вера в загробную жизнь, очевидно, занимала значительное место в идеологических представлениях местных племен. В могилу (дом умершего) помещали сосуды с пищей, предметы быта. Как видно, загробный мир представлялся продолжением земного, в котором, скорее всего, женщина занимала подчиненное положение. Иногда это парные захоронения (Дарго, Чирюрт, Тарки II. Талги, Каякент), а порой – символизация подобного присутствия жены возле мужа. Находки женских украшений в мужских могилах (возможно, их положили вместе с косами; Харачой, погребения 31 и 46) можно рассматривать как отражение подобных верований (Круглов А.П., 1958. С. 86). Различия в ориентировках умерших женщин и мужчин также указывают на некоторую разницу в их отношении к божествам.

Верой в возможность предупредить несчастья, вызвать успех и благополучие можно объяснить орнаментику, покрывающую керамику и изделия из металла (Дебилов П.М., 1990. С. 36–41). Вероятно, талисманами служили и те модели колесиков, о которых уже говорилось (Марковин В.И., 1969а. С. 106–108). Культурным предметом можно считать курильницу (табл. 106, 13), обнаруженную В.И. Долбежеевым в погребении 15 Каякентского могильника (ОАК за 1898 г. С. 148, 149. Рис. 15а; Крупнов Е.И., 1940. С. 10, 11. Рис. 1).

Особую серию памятников культуры представляют наскальные изображения, выявленные и относительно хорошо изученные в предгорьях Дагестана – у селений Верхний Чирюрт, Капчугай, Ленинкент, Буглен, Манас-аул, Кумторкала, Уйташ, в районе г. Буйнакск и других пунктах. Выполнены они на гладкой поверхности скал методом процарапывания (гравировки) и пунктирными (точечными) ударами. В основном это уже упоминавшиеся сцены охоты на различных животных: оленей, туров, кабанов, хищников (табл. 106, 9, 11, 12). У некоторых животных отдельными точками и штрихами обозначены наиболее уязвимые места (табл. 106, 11). Реже встречаются фигуры всадников и одиночные изображения сильно стилизованных человеческих силуэтов – мужчин и женщин с подчеркнутыми признаками пола, рисунки арб (табл. 106, 9). Подобные изображения, как предпо-

лагают многие ученые, наносились на скалы с пожеланием успешной охоты, удачи, плодородия, благополучия в пути. Эти рисунки, несомненно, являются отражением реальной обстановки в древности, природного окружения человека и позволяют довольно конкретно представить его жизнь, потребности и занятия. Вместе с тем они дают возможность изучить и эстетическую сторону жизни местного населения в древности: манеру рисовального искусства, художественное видение, приемы компоновки, владение линией и пр. К сожалению, до сих пор эта сторона наскальных рисунков изучена еще очень слабо (Дебилов П.М., 1966. С. 15–18; Марковин В.И., 1969а. С. 111; 1974. С. 53–57). Возле почитавшихся скал с изображениями устраивались стойбища и поселения, как это имело место в

Нижней Сигитме, Чиркутане и других местах. Очевидно, люди и их быт были опутаны магией и ритуальными действиями. Вместе с тем можно сказать, что племена каякентско-харачоевской культуры не были отсталыми по сравнению с другими племенами Кавказа, как это предполагал А.П. Круглов (Круглов А.П., 1946. С. 134). Те черты их быта, которые кажутся, на первый взгляд, консервативными, даже архаичными, являются чисто местными, специфическими чертами, которые и отличают культуру местных племен от культуры соседнего населения Северного Кавказа и Закавказья. Каякентско-харачоевские племена жили той же культурной жизнью и пользовались теми же достижениями эпохи, что и граничившие с ними жители Кавказа.